

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Русские сказки. Максим Горький

I

Будучи некрасив и зная это, молодой человек сказал себе:

– Я умен. Сделаюсь мудрецом. У нас это – очень просто.

И стал читать толстые сочинения – он был действительно не глуп, понимал, что наличие мудрости всего легче доказать цитатами из книг.

А прочитав столько мудрых книг, сколько нужно, чтобы стать близоруким, он гордо поднял нос, покрасневший от тяжести очков, и заявил всему существующему:

– Ну, нет, меня не обманешь! Я ведь вижу, что жизнь – это ловушка, поставленная для меня природой!

– А – любовь? – спросил Дух жизни.

– Благодарю, я, слава богу, не поэт! Я не войду ради кусочка сыра в железную клетку неизбежных обязанностей!

Но все-таки он был человек не особенно даровитый и потому решил взять должность профессора философии.

Приходит к министру народного просвещения и говорит:

– Ваше высокопревосходительство, вот – я могу проповедовать, что жизнь бессмысленна и что внушениям природы не следует подчиняться!

Министр задумался: «Годится это или нет?»

Потом спросил:

– А велениям начальства надо подчиняться?

– Обязательно – надо! – сказал философ, почтительно склонив вытертую книгами голову. – Ибо страсти человечьи...

– Ну, то-то! Лезьте на кафедру. Жалованья – шестнадцать рублей. Только – если я предпишу принять к руководству даже и законы природы, смотрите – без вольнодумства! Не потерплю!

И, подумав, он меланхолически сказал:

– Мы живем в такое время, что ради интересов целостности государства, может быть, и законы природы придется признать не только существующими, но и болезненными – отчасти!

«Чёрта с два! – мысленно воскликнул философ. – Дойдете вы до этого, как же...»

А вслух – ничего не сказал.

Бот он и устроился: еженедельно влезал на кафедру и по часу говорил разным кудрявым юношам:

– Милостивые государи! Человек ограничен извне, ограничен изнутри, природа ему враждебна, женщина – слепое орудие природы, и по всему этому жизнь наша совершенно бессмысленна!

Он привык думать так и часто, увлекаясь, говорил красиво, искренно; юные студентки восторженно хлопали ему. а он, довольный, ласково кивал им лысой головой, умиленно блестел его красненький носик, и всё шло очень хорошо.

Обеды в ресторанах были вредны ему, – как все пессимисты, он страдал несварением желудка, – поэтому он женился, двадцать девять лет обедал дома; между делом,

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
незаметно для себя, произвел четверых детей, а после этого – помер.

За гробом его почтительно и печально шли три дочери с молодыми мужьями и сын, поэт, влюбленный во всех красивых женщин мира. Студенты пели «Вечную память» – пели очень громко и весело, но – плохо; над могилой товарищи профессора говорили цветистые речи о том, как стройна была покойникова метафизика; всё было вполне прилично, торжественно и даже минутами трогательно.

– Вот и помер старикашка! – сказал один студент товарищам, когда расходились с кладбища.

– Пессимист он был, – отозвался другой.

А третий спросил:

– Ну? Разве?

– Пессимист и консерватор.

– Ишь, лысый! А я и не заметил..

Четвертый студент был человек бедный, он озабоченно осведомился:

– Позовут нас на поминки?

Да, их позвали.

Так как покойный профессор написал при жизни хорошие книги, в которых горячо и красиво доказывал бесцельность жизни, – книги покупались хорошо, и читали их с удовольствием – ведь что ни говорите, а человек любит красивое!

Семья была хорошо обеспечена – и пессимизм может обеспечить! – поминки были устроены богатые, бедный студент на редкость хорошо покушал и, когда шел домой, то думал, добродушно улыбаясь:

«Нет – и пессимизм полезен...»

II

А еще был такой случай.

Некто, считая себя поэтом, писал стихи, но – почему-то всё плохие, и это очень сердило его.

Вот однажды идет он по улице и видит: валяется на дороге кнут – извозчик потерял.

Осенило поэта вдохновение, и тотчас же в уме его сложился образ:

Как черный бич, в пыли дорожной
Лежит – раздавлен – труп змеи.
Над ним – рой мух гудит тревожно,
Вокруг – жуки и муравьи.
Белеют гонких ребер звенья
Сквозь прорванную чешую..
Змея! Ты мне напоминаешь
Любовь издохшую мою..
А кнут встал на конец кнутовища и говорит, качаясь:

– Ну, зачем врешь? Женатый человек, грамоту знаешь, а – врешь! Ведь не издыхала твоя любовь, жену ты и любишь и боишься ее..

Поэт рассердился:

– Это не твое дело!..

– И стихи скверные..

– А тебе и таких не выдумать! Только свистеть можешь, да и то не сам.

- А все-таки зачем врешь? Ведь не издыхала любовь-то?
- Мало ли чего не было, а нужно, чтоб было...
- Ой, побьет тебя жена! Отнеси-ка ты меня к ней...
- Как же, дожидайся!
- Ну, бог с тобой! – сказал кнут, свиваясь штопором, лег на дороге и задумался о людях, а поэт пошел в трактир, спросил бутылку пива и тоже стал размышлять, но – о себе:

«Хотя кнут и – дрянь, но стихи опять плоховаты, это верно! Странное дело! Один пишет всегда плохие стихи, а другому иной раз удаются хорошие – до чего всё неправильно в этом мире! Дурацкий мир!»

Так он сидел, пил и, всё более углубляясь в познание мира, пришел, наконец, к твердому решению: «Надо говорить правду: совершенно никуда не годится этот мир, и человеку в нем даже обидно жить!» Часа полтора думал он в этом направлении, а потом сочинил:

Пестрый бич наших страстных желаний
Гонит нас в кольца Смерти-Змеи, [1]
Мы плутаем в глубоком ту
Ах – убьемте желанья своп!
Они в даль пас обманно манят,
Мы влачимся сквозь терн обид,
По пути – сердце скорби нам ранят,
А в конце его – каждый убит..
И прочее в этом духе – двадцать восемь строк.

- Вот это – ловко! – воскликнул поэт и пошел домой, очень довольный собою.

Дома он прочитал стихи жене – ей тоже понравилось.

- Только, – сказала она, – первое четверостишие как будто не того...

- Сожрут! Пушкин начал тоже «не того»... Зато – размер каков? Панихида!

Потом он стал играть со своим сынишкой: посадив его на колени и подкидывая, пел тенорком:

Скок-поскок
На чужой мосток!
Эх, буду я богат –
Я свой намощу,
Никого не пущу!
Очень весело провели вечер, а утром поэт снес стихи редактору, и редактор сказал глубокомысленно – они все глубокомысленны, редактора, оттого-то журналы и скучны.

- Гм? – сказал редактор, трогая себя за нос – Это, знаете, не плохо, а главное, – очень в тон настроению времени, очень! М-да, вот вы, пожалуй, и нашли себя. Ну-с, продолжайте в том же духе... Шестнадцать копеек строка... четыре сорок восемь... Поздравляю!

Потом стихи были напечатаны, и поэт почувствовал себя именинником, а жена усердно целовала его, томно говоря:

- М-мой поэт, о-о...

Славно время провели!

А один юноша – очень хороший юноша, мучительно искавший смысла жизни, – прочитал эти стихи и застрелился.

Он, видите ли, был уверен, что автор стихов, прежде чем отвергнуть жизнь, искал

Русские сказки. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
смысла в ней так же долго и мучительно, как искал сам он, юноша, и он не знал, что эти мрачные мысли продаются по шестнадцати копеек строка. Серьезный был.

Да не помыслит читатель, что я хочу сказать, будто бы порою даже кнут может быть употреблен с пользой для людей.

III

Долго жил Евстигней Закивакин в тихой скромности, в робкой зависти и вдруг неожиданно прославился.

А случилось это так: однажды после роскошной пирушки он истратил последние свои шесть гривен и, проснувшись наутро в тяжком похмелье, весьма удрученный, сел за свою привычную работу: сочинять объявления в стихах для «Анонимного бюро похоронных процессий».

Сел и, пролив обильный пот, убедительно написал:

Быют тебя по шее или в лоб, –
Всё равно, ты ляжешь в темный гроб...
Честный человек ты иль прохвост, –
Все-таки оттащат на погост...
Правду ли ты скажешь иль соврешь, –
Это всё едино: ты умрешь!..
И так далее в этом роде, аршина полтора.

Понес работу в «бюро», а там не принимают:

– Извините, – говорят, – это никак нельзя напечатать: многие покойники могут обидеться и даже содрогнуться в гробах. Живых же увещевать к смерти не стоит, – они и сами собою, бог даст, помрут...

Огорчился Закивакин:

– Чёрт бы вас побрал! О покойниках заботитесь, монументы ставите, панихиды служите, а живой – помирай с голоду...

В гибельном настроении духа ходит он по улицам и вдруг видит – вывеска, а на ней – черными буквами по белому полю – сказано:

– Еще похоронное бюро, а я и не знал! – обрадовался Евстигней.

Но оказалось, что это не бюро, а редакция нового беспартийного и прогрессивного журнала для юношества и самообразования. [2] Закивакина ласково принял сам редактор-издатель Мокей Говорухин, сын знаменитого салотопы и мыловара Антипы Говорухина, [3] парень жизнелюбивый, хотя и худосочный.

Посмотрел Мокей стишки, – одобрил:

– Ваши, – говорит, – вдохновения как раз то самое, еще никем не сказанное слово новой поэзии, в поиски за которым я и снаряжился, подобно аргонату Герострату... [4]

Конечно, всё это он врал по внушению странствующего критика Лазаря Сыворотки, который тоже всегда врал, чем и создал себе громкое имя.

Смотрит Мокей на Евстигнея покупающими глазами и повторяет:

– Материальчик впору нам, но имейте в виду, что мы стихов даром не печатаем!

– Я и хочу, чтобы мне заплатили, – сознался Евстигнейка.

– Ва-ам? За стихи-то? Шутите! – смеется Мокей. – Мы, сударь, только третьего дня вывеску повесили, а уж за это время стихов нам прислано семьдесят девять сажен! И всё именами подписаны!

Но Евстигней не уступает, и согласились на пятак за строку.

– Только потому, что уж очень это у вас здорово пущено! – объяснил Мокей. – Надо

Русские сказки. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
бы псевдонимец вам избрать, а то Закивакин не вполне отлично. Вот ежели бы...
например, – Смертяшкин, а? Стильно!

– Всё равно, – сказал Евстигней. – Мне – абы гонорар получить: есть очень
хочется...

Он был парень простодушный.

И через некоторое время стихи были напечатаны на первой странице первой книги
журнала, под заголовком: «Голос вечной правды».

С того дня и постигла Евстигнейку слава: прочитали жители стихи его –
обрадовались:

– Верно написал, материн сын! А мы живем, стараемся кое-как, то да се, и
незаметно нам было, что в жизни-то нашей никакого смысла, между прочим, нет!
Молодец Смертяшкин!

И стали его на вечера приглашать, на свадьбы, на похороны да на поминки, а стихи
его во всех модных журналах печатаются по полтине строка, и уже на литературных
вечерах полногрудые дамы, очаровательно улыбаясь, читают «поэзы Смертяшкина»:

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит!
Со всяких точек зрения
Мы только жертвы тления!
– Bravo-о! Спасибо-о! – кричат жители.

«А ведь, пожалуй, я и в самом деле поэт?» – задумался Евстигнейка и начал –
понемножку – зазнаваться: завел черно-пестрые носки и галстуки, брюки надел тоже
черные с белой полоской поперек и стал говорить томно, разводя глазами в разные
стороны:

– Ах, как это пошло-жизненно!

Заупокойную литургию прочитал и употребляет в речи мрачные слова: паки, дондеже,
всуе...

Ходят вокруг его разные критики, истощая Евстигнейкин гонорарий, и внушают ему:

– Углубляйся, Евстигней, а мы поддержим!

И действительно, когда вышла книжка: «Некрологи желаний, поэзы Евстигнея
Смертяшкина», то критики весьма благосклонно отметили глубокую могильность
настроений автора. Евстигнейка же на радостях решил жениться: пошел к знакомой
модерн-девице Нимфодоре Завалашкиной и сказал ей:

– О, безобразна, бесславна, не имущая вида!

Она давно ожидала этого и, упав на грудь его, воркует, разлагаясь от счастья:

– Я согласна идти к смерти рука об руку с тобой!

– Обреченная уничтожению! – воскликнул Евстигней.

Нимфодора же, смертельно раненная страстью, отзывается:

– Мой бесследно исчезающий!

Но тотчас, вполне возвратясь к жизни, предложила:

– Мы обязательно должны устроить стильный быт!

Смертяшкин уже ко многому привык и сразу понял.

– Я, – говорит, – конечно, недостижимо выше всех предрассудков, но, если хочешь,
давай обвенчаемся в кладбищенской церкви!

- Хочу ли? О да! И путь все шафера тотчас после свадьбы застрелятся!
- Все, пожалуй, не пойдут на это, а Кукин может, – он уже семь раз стрелялся.
- И чтобы священник был старенький, знаешь, такой... накануне смерти.

Так, стильно мечтая, они сидели до той поры, пока из холодной могилы пространства, где погребены мириады погасших солнц и в мертвой пляске кружатся замороженные планеты, – пока в этой пустыне бездонного кладбища усопших миров не появился скорбный лик луны, угрюмо осветив землю, пожирающую всё живое... Ах, это жуткое сияние умершей луны, подобное свечению гнилушек, всегда напоминает чутким сердцам, что смысл бытия – тление, тление...

Смертяшкин настолько воодушевился, что даже без особого труда стихи сочинил и прошептал их черным шепотом в ухо будущему скелету возлюбленной:

Чу, смерть стучит рукою честной
По крышке гроба, точно в бубен!..
Я слышу зов ее так ясно
Сквозь пошлый хаос скучных буден.
Жизнь спорит с нею, – лживым кличем
Зовет людей к своим обманам;
Но мы с тобой не увеличим
Числа рабов, плененных ею!
Нас не подкупишь ложью сладкой,
Ведь знаем мы с тобою оба.
Жизнь – только миг, больной и краткий,
А смысл ее – под крышкой гроба!
– Как мертво! – восхищалась Нимфодора, – Как тупо-могильно!

Она все эти штуки превосходно понимала.

На сороковой день после этого они венчались у Николы на Тычке, [5] в старенькой церкви, тесно окруженной самодовольными могилами переполненного кладбища. Ради стили свидетелями брака подписались два могильщика, шаферами были заведомые кандидаты в самоубийцы; в подруги невеста выбрала трех истеричек, из которых одна уже вкушала уксусную эссенцию, другие готовились к этому и одна дала честное слово покончить с собой на девятый день после свадьбы.

А когда вышли на паперть, шафер, прыщеватый парень, изучавший на себе действие сальварсана, открыв дверь кареты, мрачно сказал:

– Вот катафалк!

Новобрачная, в белом платье с черными лентами и под черной фатой, умирала от восторга, а Смертяшкин. влажными глазами оглядывая публику, спрашивал шафера:

– Репортеры есть?

– И фотограф...

– Не шевелись, Нимфочка...

Репортеры, из уважения к поэту, оделись факельщиками, а фотограф – палачом, жители же, – им все равно, на что смотреть, было бы забавно! – жители одобряли:

– Que! chic! [6]

И даже какой-то вечно голодающий мужичок согласился с ними:

– Charmant! [7]

– Да-а, – говорил Смертяшкин новобрачной за ужином в ресторане против кладбища, – мы прекрасно похоронили нашу юность! Вот именно это и называется победой над жизнью!

– Ты помнишь, что это всё мои идеи? – спросила нежно Нимфодора.

– Твои? Разве?

– Конечно.

– Ну... всё равно:

Я и ты – одна душа и тело!

Мы с тобой теперь навеки слиты.

Это смерть так мудро повелела,

Мы – ее рабы и сателлиты...

– Но все-таки я не позволю тебе поглотить мою индивидуальность! – очаровательно предупредила она. – И потом, сателлиты, я думаю, надо произносить два «т» и два «л»! Впрочем, сателлиты вообще кажутся мне не на месте...

Смертяшкин еще раз попробовал одолеть ее стихами:

Что такое наше «я»,

Смертная моя?

Нет его иль есть оно, –

Это всё равно!

Будь активна, будь инертна, –

Всё равно, – ты не бессмертна!

– Нет, уж это надобно оставить для других, – кротко сказала она.

После длинного ряда таких и подобных столкновений у Смертяшкина случайно родилось дитя – девочка, и Нимфодора повелела:

– Люльку закажи в форме гробика!

– Не слишком ли это, Нимфочка?

– Нет уж, пожалуйста! Стиль надо сохранять строго, если ты не хочешь, чтобы критики и публика упрекнули тебя в раздвоении и неискренности...

Она оказалась очень хозяйственной дамой: сама солила огурцы, тщательно собирала все рецензии о стихах мужа и, уничтожая неодобрительные, – похвальные издавала отдельными томиками за счет поклонников поэта.

С хорошей пищи стала она женщиной дородной, глаза ее всегда туманились мечтой, возбуждая в людях мужского пола страстное желание подчиниться року. Завела домашнего критика, жилистого мужчину, рыжего цвета, сажала его рядом с собою, и, вонзая туманный взгляд прямо в сердце ему, читала нарочито гнусаво стихи мужа, убежденно спрашивая:

– Глубоко? Сильно?

Тот первое время только мычал, а потом стал ежемесячно писать пламенные статьи о Смертяшкине, который «с непостижимой углубленностью[8] проник в бездонность той черной тайны, которую мы, жалкие, зовем Смертью. а он – полюбил чистой любовью прозрачного ребенка. Его янтарная душа не отемнилась познанием ужаса бесцельности бытия, но претворила этот ужас в тихую радость, в сладостный призыв к уничтожению той непрерывной пошлости, которую мы, слепые души, именуем Жизнью».

При благосклонной помощи рыжего, – по убеждениям он был мистик и эстет, по фамилии – Прохарчук, по профессии – парикмахер, – Нимфодора довела Евстигнейку до публичного чтения стихов: выйдет он на эстраду, развернет коленки направо-налево, смотрит на жителей белыми овечьими глазами и, покачивая угловатой головою, на которой росли разные разности мочального цвета, безучастно вещает:

В жизни мы – как будто на вокзале,
Пред отъездом в темный мир загробный...
Чем вы меньше чемоданов взяли,
Тем для вас и легче и удобней!
Будем жить бессмысленно и просто!
Будь пустым, тогда и будешь чистым.
Краток путь от люльки до погоста!

Служит Смерть для жизни машинистом!..

– Bravo-о! – кричат вполне удовлетворенные жители. – Спасибо-о!

И говорят друг другу:

– Ловко, шельма, доказывает, даром что этакий обсосанный!..

Те же, кому ведомо было, что раньше Смертяшкин работал стихи для «Анонимного бюро похоронных процессий», были, конечно, и теперь уверены, что он все свои песни поет для рекламы «бюро», но, будучи ко всему одинаково равнодушны, молчали, твердо памятуя одно:

«Каждому жрать надо!»

«А может, я и в самом деле – гений! – думал Смертяшкин, слушая одобрительный рев жителей. – Ведь никто не знает, что такое гений; некоторые утверждали же, будто гении – полоумные...[9] А если так...»

И при встрече со знакомыми стал спрашивать их не о здоровье, а:

– Когда умрете?

Чем и приобрел еще большую популярность среди жителей.

А жена устроила гостиную в виде склепа: диванчики поставила зелененькие, в стиле могильных холмиков, а на стенах развесила снимки с Гойя, с Калло[10] да еще и – Вюртц! [11]

Хвастается:

– У нас даже в детской веяние Смерти ощутимо: дети спят в гробиках, няня одета схимницей, – знаете, такой черный сарафан, с вышивками белым – черепа, кости и прочее, очень интересно! Евстигней, покажи дамам детскую! А мы, господа, пойдемте в спальню..

И, обаятельно улыбаясь, показывала убранство спальни: над кроватью саркофагом – черный балдахин с серебряной бахромой; поддерживали его выточенные из дуба черепа; орнамент – маленькие скелетики нежно играют могильными червяками.

– Евстигней, – объясняла она, – так поглощен своей идеей, что даже спит в саване...

Некоторые жители изумлялись:

– Спи-ит?

Она печально улыбалась.

А Евстигнейка был в душе парень честный и порою невольно думал:

«Уж если я – гений, то – что же уж? Критика пишет о влиянии, о школе Смертяшкина, а я... не верю я в это!»

Приходил Прохарчук, разминая мускулы, смотрел на него и спрашивал басом:

– Писал? Ты, брат, пиши больше. Остальное мы с твоей женой живо сделаем... Она у тебя хорошая женщина, и я ее люблю..

Смертяшкин и сам давно видел это, но по недостатку времени и любви к покою ничего не предпринимал против.

А то сядет Прохарчук в кресло поудобнее и рассказывает обстоятельно:

– Знал бы ты, брат, сколько у меня мозолей и какие! У самого Наполеона не было таких...

– Бедный мой! – вздыхала Нимфодора, а Смертяшкин пил кофе и думал:

«Как это правильно сказано, что для женщин и лакеев нет великих людей!»

Конечно, он, как всякий мужчина, был неправ в суждении о своей жене, – она весьма усердно возбуждала его энергию:

– Стегнышко! – любовно говорила она. – Ты, кажется, и вчера ничего не писал? Ты всё чаще манкируешь талантом, милый! Иди, поработай, а я пришлю тебе кофе...

Он шел, садился к столу и неожиданно сочинял совершенно новые стихи:

Сколько пошлости и вздора
Написал я, Нимфодора.
Ради тряпок, ради шубок,
Ради шляпок, кружев, юбок!
Это его пугало, и он напоминал себе:

«Дети!»

детей было трое. Их надо было одевать в черный бархат; каждый день, в десять часов утра, к крыльцу подавали изящный катафалк, и они ехали гулять на кладбище, – всё это требовало денег.

И Смертяшкин уныло выводил строка за строкой:

Всюду жирный трупный запах
Смерть над миром пролила.
Жизнь в ее костлявых лапах,
Как овца в когтях орла.
– Видишь ли что, Стегнышко, – любовно говорила Нимфодора. – Это не совсем... как тебе сказать? Как надо сказать, Маша?

– Это – не твое, Евстигней! – говорил Прохарчук басом и с полным знанием дела. – Ты – автор «Гимнов смерти», и пиши гимны...

– Но это же новый этап моих переживаний! – возражал Смертяшкин.

– Ну, милый, ну, какие переживания? – убеждала жена. – Надобно в Ялту ехать, а ты чудишь!

– Помни, – гробовым тоном внушал Прохарчук, – что ты обещал

Прославить смерти власть
Беззлобно и покорно...[12]

– А потом обрати внимание: «как овца в» невольно напоминает фамилию министра – Коковцев, [13] и это может быть принято за политическую выходку! Публика глупа, политика – пошлость!

– Ну, ладно, не буду, – говорил Евстигней, – не буду! Всё едино, – ерунда!

– Имей в виду, что твои стихи за последнее время вызывают недоумение не у одной твоей жены! – предупреждал Прохарчук.

Однажды Смертяшкин, глядя, как его пятилетняя дочурка Лиза гуляет в саду, написал:

Маленькая девочка ходит среди сада,
Беленькая ручка дерзко рвет цветы...
Маленькая девочка, рвать цветы не надо,
Ведь они такие же хорошие, как ты!
Маленькая девочка! Черная, немая,
За тобою следом тихо смерть идет,
Ты к земле наклонишься, – косу поднимая,
Смерть оскалит зубы и – смеется, ждет...
Маленькая девочка! Смерть и ты – как сестры;
Ты ненужно губишь яркие цветы,
А она косою острой, вечно острой! –
Убивает деток, вот таких, как ты...

– Но это же сентиментально, Евстигней, – негодуя, крикнула Нимфодора. – Помилуй,

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
куда ты идешь? Что ты делаешь с своим талантом?

- Не хочу я больше, - мрачно заявил Смертяшкин.
- Чего не хочешь?
- Этого. Смерть, смерть, - довольно! Мне противно слово самое!
- Извини меня, но ты - дурак!
- Пускай! никому не известно, что такое гений! А я больше не могу... К чёрту могильность и всё это... Я - человек...
- Ах. вот как? - иронически воскликнула Нимфодора. - Ты - только человек?
- Да. И люблю всё живое...
- Но современная критика доказала, что поэт не должен считаться с жизнью и вообще с пошлостью!
- Критика? - заорал Смертяшкин. - Молчи, бесстыдная женщина! Я видел, как современная критика целовала тебя за шкафом!
- Это от восхищения твоими же стихами!
- А дети у нас рыжие, - тоже от восхищения?
- Пошляк! Это может быть результатом чисто интеллектуального влияния!

И вдруг, упав в кресло, заявила:

- Ах, я не могу больше жить с тобой!

Евстигнейка и обрадовался и в то же время испугался.

- Не можешь? - с надеждой и со страхом спросил он. - А дети?
- Попролам!
- Троих-то?

Но она стояла на своем. Потом пришел Прохарчук. Узнав, в чем дело, он огорчился и сказал Евстигнейке:

- Я думал, ты - большой человек, а ты - просто маленький мужчина!

И пошел собирать Нимфодорины шляпки. А пока он мрачно занялся этим, она говорила мужу правду:

- Ты выдохся, жалкий человек. У тебя нет больше ни таланта, ничего! Слышишь: ни-че-го!

Захлебнулась пафосом честного негодования и dokonчила:

- У тебя и не было ничего никогда! Если бы не я и Прохарчук - ты так всю жизнь и писал бы объявления в стихах, слизняк! Негодяй, похититель юности и красоты моей...

Она всегда в моменты возбуждения становилась красноречива.

Так и ушла она, а вскоре, под руководством и при фактическом участии Прохарчука, открыла «Институт красоты мадам Жизни из Парижа. Специальность - коренное уничтожение мозолей».

Прохарчук же, разумеется, напечатал разносную статью «Мрачный мираж», обстоятельно доказав, что у Евстигнейки не только не было таланта, но что вообще можно сомневаться, существовал ли таковой поэт. Если же существовал и публика признавала его, то это - вина торопливой, неосторожной и неосмотрительной

критики.

А Евстигнейка потосковал, потосковал, и – русский человек быстро утешается! – видит: детей кормить надо!

Махнул рукой на прошлое, на всю смертельную поэзию, да и занялся старым, знакомым делом: веселые объявления для «Нового похоронного бюро» пишет, убеждая жителей:

Долго, сладостно и ярко
На земле мы любим жить,
Но придет однажды Парка
И обрежет жизни нить!
Обсудивши этот случай,
Не спеша, со всех сторон,
Предлагаем самый лучший
Матерьял для похорон!
Всё у нас вполне блестяще,
Не истерто, не старо:
Заходите же почаще
В наше «Новое бюро»!
Могильная, 15
Так все и возвратились на стези своя[14]

IV

Жил-был честолюбивый писатель.

Когда его ругали – ему казалось, что ругают чрезмерно и несправедливо, а когда хвалили – он думал, что хвалят мало и неумно, и так, в постоянных неудовольствиях, дожил он до поры, когда надобно было ему умирать.

Лег писатель в постель и стал ругаться:

– Ну вот – не угодно ли? Два романа не написаны... да и вообще материала еще лет на десять. Чёрт бы побрал этот закон природы и все прочие вместе с ним! Экая глупость! Хорошие романы могли быть. И придумали же такую идиотскую всеобщую повинность. Как будто нельзя иначе! И ведь всегда не вовремя приходит это – повесть не кончена...

Он – сердится, а болезни сверлят ему кости и нашептывают в уши:

– Ты – трепетал, ага? Зачем трепетал? Ты ночей не спал, ага? Зачем не спал? Ты – с горя пил, ага? А с радости – тоже?

Он морщился, морщился, наконец видит – делать нечего! Махнул рукой на все свои романы и – помер. Очень неприятно было, а – помер.

Хорошо. Обмыли его, одели приличненько, гладко причесали, положили на стол; вытянулся он, как солдат, – пятки вместе, носки врозь, – нос опустил, лежит смиренно, ничего не чувствует, только удивляется:

«Как странно – совсем ничего не чувствую! Это первый раз в жизни. Жена плачет. Ладно, теперь – плачешь, а бывало, чуть что – на стену лезла. Сынишка хнычет. Наверное, бездельником будет, – дети писателей всегда бездельники, сколько я их ни видал... Тоже, должно быть, какой-нибудь закон природы. Сколько их, законов этих!»

Так он лежал и думал, и думал, и всё удивлялся своему равнодушию – не привык к этому.

И вот – понесли его на кладбище, но вдруг он чувствует: народу за гробом мало идет.

«Нет, уж это дудки! – сказал он сам себе. – Хоть я писатель и маленький, а литературу надобно уважать!»

Выглянул из гроба – действительно: провожают его – не считая родных – девять человек, в том числе двое нищих и фонарщик, с лестницей на плече.

Ну, тут он совсем вознегодовал:

«Экие свиньи!»

И до того воодушевился обидой, что немедленно воскрес, незаметно выскочил из гроба, – человек он был небольшой, – забежал в парикмахерскую, сбрил усы и бороду, взял у парикмахера черненький пиджачок, с заплатой под мышкой, свой костюм ему оставил, сделал себе почтительно огорченное лицо и стал совсем как живой – узнать нельзя!

И даже, по любопытству, свойственному роду его занятий, спросил парикмахера:

– Не удивляет вас этот странный случай?

Тот только усы свои снисходительно поправил.

– Помилуйте-с, – говорит, – мы в России живем и вполне ко всему привыкли...

– Все-таки – покойник и вдруг переодевается...

– Мода времени-с! И какой вы покойник? Только по внешности, а вообще ежели взять, – дай бог всякому! Нынче живые-то куда неподвижнее держатся!

– А не очень я желтоват?

– Вполне в духе эпохи-с, как надо быть! Россия-с – всем желтенько живется...

Известно, что парикмахеры – первые льстецы и самый любезный народ на земле.

Простился с ним писатель и побежал догонять гроб, движимый живым желанием выразить в последний раз свое уважение к литературе; догнал – стало провожатых десятеро, увеличился писателю почет. Встречный народ удивляется:

– Глядите-ка, как писателя-то хоронят, ай-яй!

А понимающие люди, проходя по своим делам, не без гордости думают:

«Заметно, что значение литературы всё глубже понимается странною!»

Идет писатель за своим гробом, будто поклонник литературы и друг умершего, беседует с фонарщиком.

– Знали покойника?

– Как же! Кое-чем попользовался от него.

– Приятно слышать!

– Да. Наше дело – дешевое, воробьиное дело, где упало, там и клюй!

– Это как надо понять?

– Понимайте просто, господин.

– Просто?

– Ну да. Конечно, ежели смотреть с точек зрения, то – грех, однако – без жульничества никак не проживешь.

– Гм? Вы уверены?

– Обязательно так! Фонарь – как раз супротив его окна, а он каждую ночь до рассвета сиживал, ну, я фонаря и не зажигал, потому – свету из его окна вполне достаточно – стало быть, одна лампа – чистый мне доход! Полезный был человек!

Так, мирно беседуя то с тем, то с другим, дошел писатель до кладбища, а там пришлось ему речь говорить о себе, потому что у всех провожатых в тот день зубы

болели, – ведь дело было в России, а там у каждого всегда что-нибудь ноет да болит.

Недурную сказал речь, в одной газете его похвалили даже:

«Кто-то от публики, напомнивший нам по внешнему облику человека сцены, произнес над могилой теплую и трогательную речь. Хотя в ней он, на наш взгляд, несомненно переоценил и преувеличил более чем скромные заслуги покойника, писателя старой школы, не употреблявшего усилий отделаться от ее всем надоевших недостатков – наивного дидактизма и пресловутой „гражданственности“, – тем не менее, речь была сказана с чувством несомненной любви к слову».

А когда всё – честь честью – кончилось, писатель лег в домовину и подумал, вполне удовлетворенный:

«Ну, вот и готово, и очень всё хорошо вышло, достойно, как и следует!»

Тут он совсем умер.

Вот как надо уважать свое дело, хотя бы это была и литература!

V

А то – жил-был один барин, прожил он с лишком полжизни и вдруг почувствовал, что чего-то ему не хватает – очень встревожился.

Щупает себя – будто всё цело и на месте, а живот даже в излишке; посмотрит в зеркало – нос, глаза, уши и всё прочее, что полагается иметь серьезному человеку, – есть; пересчитывает пальцы на руках – десять, на ногах – тоже десять, а все-таки чего-то нет!

– Что за оказия?

Спрашивает супругу;

– А как ты думаешь, Митродора, у меня всё в порядке?

Она уверенно говорит:

– Всё!

– А мне иногда кажется...

Как женщина религиозная, она советует:

– Если кажется – прочитай мысленно «Да воскреснет бог и расточатся врази его»...[15]

Друзей исподволь пытается о том же, друзья отвечают нечленораздельно, а смотрят – подозрительно, как бы предполагая в нем нечто вполне достойное строгого осуждения.

«Что такое?» – думает барин в унынии.

Стал вспоминать прошлое – как будто всё в порядке: и социалистом был, и молодежь возмущал, а потом ото всего отрекся[16] и давно уже собственные посеы своими же ногами усердно топчет. Вообще – жил как все, сообразно настроению времени и внушениям его.

Думал-думал и вдруг – нашел:

«Господи! Да у меня же национального лица нет!»[17]

Бросился к зеркалу – действительно, лицо неясное, вроде слепо и без запятых напечатанной страницы перевода с иностранного языка, причем переводчик был беззаботен и малограмотен, так что совсем нельзя понять, о чем говорит эта страница: не то требует душу свободе народа в дар принести, не то утверждает необходимость полного признания государственности.

«Гм, какая, однако, путаница! – подумал барин и тотчас же решил: – Нет, с таким лицом неудобно жить...»

Начал ежедневно дорогими мылами умываться – не помогает: кожа блестит, а неясность остается. Языком стал облизывать лицо – язык у него был длинный и привешен ловко, журналистикой барин занимался – и язык не приносит ему пользы. Применил японский массаж – шишки вскочили, как после доброй драки, а определенности выражения – нет!

Мучился-мучился, всё без успеха, только весу полтора фунта потерял. И вдруг на счастье свое узнает он, что пристав его участка фон Юденфрессер весьма замечательно отличается пониманием национальных задач, – пошел к нему и говорит:

– Так и так, ваше благородие, не поможете ли в затруднении?

Приставу, конечно, лестно, что вот – образованный человек, недавно еще в нелегальностях подозревался, а ныне – доверчиво советуется, как лицо переменить. Хохочет пристав и, в радости великой, кричит:

– Да ничего же нет проще, милейший вы мой! Браллиант вы мой американский, да потритесь вы об инородца, оно сразу же и выявится, истинное-то ваше лицо...

Тут и барин обрадовался – гора с плеч! – лояльно хихикает и сам на себя удивляется:

– А я-то не догадался, а?

– Пустяки всего дела!

Расстались закадычными друзьями, сейчас же барин побежал на улицу, встал за угол и ждет, а как только увидал мимо идущего еврея, наскочил на него и давай внушать:

– Ежели ты, – говорит, – еврей, то должен быть русским, а ежели не хочешь, то...

А евреи, как известно из всех анекдотов, нация нервозная и пугливая, этот же был притом характера капризного и терпеть не мог погромов, – развернулся он да и ударь барина по левой щеке, а сам отправился к своему семейству.

Стоит барин, прислонясь к стенке, потирает щеку и думает:

«Однако выявление национального лица сопряжено с ощущениями не вполне сладостными! Но – пусть! Хотя Некрасов и плохой поэт, [18] всё же он верно сказал:

Даром ничто не дается, – судьба
Жертв искупительных просит...» [19]

Вдруг идет кавказец, человек – как это доказано всеми анекдотами – некультурный и пылкий, идет и орет:

– Мицхалэс саклэс мингрулэ-э... [20]

Барин – на него:

– Нет, – говорит, – позвольте! Ежели вы грузин, то вы – тем самым – русский и должны любить не саклю мингрельца, но то, что вам прикажут, а кутузку – даже без приказанья...

Оставил грузин барина в горизонтальном положении и пошел пить кахетинское, а барин лежит и соображает:

«Од-днако же? Там еще татары, армяне, башкиры, киргизы, мордва, литовцы – господа, сколько! И это – не все... Да потом еще свои, славяне...»

А тут как раз идет украинец и, конечно, поет крамольно:

Добре було нашим батькам
На України жити... [21]

– Нет, – сказал барин, поднимаясь на ноги, – вы уж будьте любезны отныне употреблять еры, [22] ибо не употребляя оных, вы нарушаете цельность империи...

Долго он ему говорил разное, а тот всё слушал, ибо – как неопровержимо доказывается всеми сборниками малороссийских анекдотов – украинцы парод медлительный и любят дело делать не торопясь, а барин был человек весьма прилипчивый...

...Подняли барина сердобольные люди, спрашивают:

– Где живете?

– В Великой России...

Ну, они его, конечно, в участок повезли.

Везут, а он, ощупывая лицо, не без гордости, хотя и с болью, чувствует, что оно значительно уширилось, и думает:

«Кажется, приобрел...»

Представили его фон Юденфрессеру, а тот, будучи ко своим гуманен, послал за полицейским врачом, и, когда пришел врач, стали они изумленно шептаться между собою, да всё фыркают, несоответственно событию.

– Первый случай за всю практику, – шепчет врач. – Не знаю, как и понять...

«Что б это значило?» – думает барин, и спросил:

– Ну, как?

– Старое – всё стерлось, – ответил фон Юденфрессер.

– А вообще лицо – изменилось?

– Несомненно, только, знаете...

Доктор же утешительно говорит:

– Теперь у вас, милостивый государь, такое лицо, что хоть брюки на него надеть...

Таким оно и осталось на всю жизнь.

Морали тут нет.

VI

А другой барин любил оправдывать себя историей – как только захочется ему соврать что-нибудь, он сейчас подходящему человеку и приказывает:

– Егорка, ступай надергай фактов из истории в доказательство того, что она не повторяется, и наоборот...

Егорка – ловкий, живо надергает, барин украсится фактами, сообразно требованиям обстоятельств, и доказывает всё, что ему надобно, и неуязвим.

А был он, между прочим, крамольник – одно время все находили, что нужно быть крамольниками, и друг другу смело указывали:

– У англичан – Хабеас корпус, [23] а у нас – циркуляры!

Очень остроумно издевались над этим различием между нациями.

Укажут и, освободясь от гражданской скорби, сядут, бывало, винтить до третьих петухов, а когда оные возгласят приход утра – барин командует:

– Егорка, дерни что-нибудь духоподъемное и отвечающее моменту!

Егорка встанет в позу и, перст подняв, многозначительно напомним:

На святой Руси петухи поют –
Скоро будет день на святой Руси!.. [24]

– Верно! – говорят господа. – Обязательно, – должен быть день...

И пойдут отдохнуть.

Хорошо. Но только вдруг народ начал беспокойно волноваться, заметил это барин, спрашивает:

– Егорка – почему народ трепещет?

А тот, с удовольствием, доносит:

– Народ хочет жить по-человечески...

Тут барин возгордился:

– Ага! Это кто ему внушил? Это – я внушил! Пятьдесят лет я и предки мои внушали, что пора нам жить по-человечески, ага?

И начал увлекаться, то и дело гоняет Егорку:

– Надергай фактов из истории аграрного движения в Европе... из Евангелия текстов, насчет равенства... из истории культуры, о происхождении собственности – живо!

Егорка – рад! Так и мечется, даже в мыле весь, все книжки раздергал, одни переплеты остались, ворохами барину разные возбудительные доказательства тащит, а барин его похваливает:

– Старайся! При конституции я тебя в редактора большой либеральной газеты посажу!

И, окончательно осмелев, лично внушает самым разумным мужикам:

– Еще, – говорит, – братья Гракхи в Риме, а потом в Англии, в Германии, во Франции... и всё это исторически необходимо! Егорка – факты!

И тотчас на фактах докажет, что всякий народ обязан желать свободы, хотя бы начальство и не желало оной. Мужики, конечно, рады – кричат:

– Покорнейше благодарим!

Всё пошло очень хорошо, дружно, в любви христианской и взаимном доверии, только – вдруг мужики спрашивают:

– Когда уйдете?

– Куда?

– А долой?

– Откуда?

– С земли...

И смеются – вот чудак! Всё понимает, а самое простое перестал понимать.

Они – смеются, а барин – сердится...

– Позвольте, – говорит, – куда же я уйду, ежели земля – моя?

А мужики ему не верят:

– Как – твоя, ежели ты сам же говорил, что господня и что еще до Иисуса Христа некоторые справедливы знали это? [25]

Не понимает он их, а они – его, и снова барин Егорку за бока:

– Егорка, ступай надергай изо всех историй...

А тот ему довольно независимо отвечает:

– Все истории раздерганы на доказательства противного...

– Врешь, крамольник!

Однако – верно: бросился он в библиотеку, смотрит – от книжек одни корешки да пустые переплеты остались; даже вспотел он от неожиданности этой и огорченно воззвал ко предкам своим:

– И кто вас надоумил создать историю столь односторонне! Вот и наработали... эхма! Какая это история, к чёрту?

А мужики свое тянут:

– Так, – говорят, – прекрасно ты нам доказал, что уходи скорей, а то прогоним...

Егорка же окончательно мужикам передался, нос в сторону воротит и даже при встрече с барином фыркать начал:

– Хабеас корпус, туда же! Либ-берал, туда же...

Совсем плохо стало. Мужики начали песни петь и на радостях стог баринова сена по своим дворам развезли. И вдруг – вспомнил барин, что у него еще есть кое-что в запасе: сидела на антресолях прабабушка, ожидая неминуемой смерти, и была она до того стара, что все человеческие слова забыла – только одно помнит:

– Не давать...

С шестьдесят первого года ничего кроме не могла говорить.

Бросился он к ней в большом волнении чувств, припал родственно к ногам ее и взывает:

– Мать матерей, ты – живая история...

А она, конечно, бормочет:

– Не давать...

– Но – как же?

– Не давать...

– А они меня – па поток и разграбление?

– Не давать...

– А дать ли силу нежеланию моему известить губернатора?

– Не давать...

Внял он голосу истории живой и послал от лица прабабушки трогательную депешу, а сам вышел к мужикам и оповещает:

– Испугали вы старушку, и послала она за солдатами – успокойтесь, ничего не будет, я солдат до вас не допущу!

Ну, прискакали грозные воины на лошадях, дело зимнее, лошади дорогой запотели, а тут дрожат, инеем покрылись, – стало барину лошадей жалко, и поместил он их у себя в усадьбе – поместил и говорит мужикам:

– Сенцо, которое вы у меня не совсем правильно увезли, – возвратите-ка лошадам этим, ведь скотина – она ни в чем не виновата, верно?

Войско было голодное, поело всех петухов в деревне, и стало вокруг барина тихо. Егорка, конечно, опять на баринову сторону перекинулся, и по-прежнему барин его употребляет для истории: купил новый экземпляр и велел вымарать все факты, которые способны соблазнить на либерализм, а те, которые нельзя вымарать, приказал наполнить новым смыслом.

Егорке – что? Он ко всему способен, он даже для благонадежности порнографией начал заниматься, а все-таки осталось у него в душе светлое пятно и, марая историю за страх, – за совесть он сожалительные стишеры пишет и печатает их под псевдонимом: П. Б., что значит «побежденный борец».

О вестник утра, красный пепел!
Почто умолк твой гордый клич?
Сменил тебя – как я заметил –
Угрюмый сыт.
Не хочет будущего барины,
И снова в прошлом все мы днесь...
А ты, о пепел, был зажен
И съеден весь...
Когда нас снова к жизни взманит?
И кто нам будет утро петь?
Ах, если петухов не станет –
Проспим мы ведь!
А мужики, конечно, успокоились, живут смирно и от нечего делать похабные частушки сочиняют:

Эх, мать честна!
Вот придет весна, –
Малость мы поохаем
Да с голоду подохнем!
Русский народ – веселый народ...

VII

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были евреи – обыкновенные евреи для погромов, для оклеветания и прочих государственных надобностей.

Порядок был такой: как только коренное население начнет обнаруживать недовольство бытием своим – из наблюдательных за порядками пунктов, со стороны их благородий, раздается чарующий надеждами зов:

– Народ, приблизься к седалищу власти!

Народ привлечется, а они его – совращать:

– Отчего волнение?

– Ваши благородия – жевать нечего!

– А зубы есть еще?

– Маленько есть...

– Вот видите – всегда вы ухитряетесь что-нибудь да скрыть от руки начальства!

И ежели их благородия находили, что волнение усмиримо посредством окончательного выбития зубов, то немедля прибегали к этому средству; если же видели, что это не может создать гармонии отношений, то обольстительно добивались толку:

– Чего ж вы хотите?

– Землицы бы...

Некоторые, в свирепости своего непонимания интересов государства, шли дальше и кланчили:

– Леформов бы каких-нибудь, чтобы, значит, зубья, ребры и внутренности наши считать вроде как бы нашей собственностью и зря не трогать!

Тут их благородия и начинали усовещивать:

– Эх, братцы! К чему эти мечты? «Не о хлебе едином...» [26] – сказано, и еще сказано: «За битого двух небитых дают!»

– А они согласны?

– Кто?

– Небитые-то?

– Господи! Конечно! К нам в третьем году, после Успенья, англичане просились [27] – вот как! Сошлите, просят, весь ваш народ куда-нибудь в Сибирь, а нас на его место посадите, мы, говорят, вам и подати аккуратно платить будем, и водку станем пить по двенадцать ведер в год на брата, [28] и вообще. Нет, говорим, зачем же? У нас свой народ хорош, смирный, послушный, мы и с ним обойдемся. Вот что, ребята, вам бы лучше, чем волноваться зря, пойти бы да жидов потрепать, а? К чему они?

Коренное население подумает-подумает, видит – нельзя ждать никакого толка, кроме предначертанного начальством, и решается:

– Ну ин, айдати, ребя. благословись!

Разворотит домов полсотни, перебьют несколько еврейского народу и, устав в трудах, успокоится в желаниях, а порядок – торжествует!..

Кроме их благородий, коренного населения и евреев для отвода волнений и угашений страстей, существовали в оном государстве добрые люди, и после каждого погрома, собравшись всем своим числом – шестнадцать человек, – занвляли миру письменный протест:

«Хотя евреи суть тоже русские подданные, но мы убеждены, что совершенно истреблять их не следует, и сим – со всех точек зрения – выражаем наше порицание неумеренному уничтожению живых людей.

Гуманистов. Фитоедов. Иванов. Кусайгубин. Торопыгин. Крикуновский. Осип Троеухоз. Грохало. Фигофобов. Кирилл Мефодиев. Словотеков. Каниталина Колымская. Подполковник в отставке Непейпиво. Пр. пов. Нарым. Хлопотунский. Притулихин. Гриша Будущев, семи лет, мальчик». И так после каждого погрома, с той лишь разницей, что Гришин возраст изменялся, да за Нарыма – по случаю неожиданного выезда его в одноименный город – Колымская подписывалась.

Иногда на эти протесты отзывалась провинция:

«Сочувствую и присоединяюсь» – телеграфировал из Дремова Раздергаев; Заторканный из Мямлива тоже присоединился, а из Окурова – «Самогрызов и др.», причем для всех было нсно, что «др.» – он выдумал для пушей угрожаемости, ибо в Окурове никаких «др.» не было. Евреи, читан протесты, еще пуше плачут, и вот однажды один из них – человек очень хитрый – предложил:

– Вы знаете что? Нет? Ну, так давайте перед будущим погромом спрячем всю бумагу, и все перья, и все чернила и посмотрим – что они будут делать тогда, эти шестнадцать и с Гришем?

Народ дружный – сказано-сделано: скупили всю бумагу, все перья, спрятали, а чернила – в Черное море вылили и – сидят, дожидаются.

Ну, долго ждать не пришлось: разрешение получено, погром произведен, лежат евреи в больницах, а гуманисты бегают по Петербургу, ищут бумаги, перьев – нет бумаги, нет перьев, нигде, кроме как в канцеляриях их благородий, а оттуда – не дают!

– Ишь вы! – говорят. – Знаем мы, для каких целей вам это надобно! Нет, вы обойдетесь без этого!

Хлопотунский умоляет:

– Да – как же?

– Ну уж, – говорят, – достаточно мы вас протестам обучали, сами догадайтесь...

Гриша, – ему уже сорок три года минуло, – плачет.

– Хосго плотестовать!

А – не на чем!

Фигофобов мрачно догадался:

– На заборе бы, что ли?

А в Питере и заборов нет, одни решетки.

Однако побежали на окраину, куда-то за бойни, нашли старенький заборчик, и, только что Гуманистов первую букву мелом вывел, вдруг – якобы с небес спустись – подходит городской и стал увещевать:

– Это что же будет? За эдакое надписание мальчишек шугают, а вы солидные будто господа – ай-яй-яй!

Конечно, он их не понял, думая, что они – литераторы их тех, которые под 1001-ю статью пишут, [29] а они сконфузились и разошлись – в прямом смысле – по домам.

Так один погром и остался не опротестован, а гуманисты – без удовольствия.

Справедливо говорит люди, понимающие психологию рас, – хитрый народ евреи!

VIII

Вот тоже – жили-были два жулика, один черненький, а другой рыжий, но оба бесталанные: у бедных воровать стыдились, богатые были для них недосыгаемы, и жили они кое-как, заботясь, главное, о том, чтобы в тюрьму, на казенные хлеба попасть.

И дожили эти лодыри до трудных дней: приехал в город новый губернатор, фон дер Пест, осмотрелся и приказал:

«От сего числа все жители русской веры, без различия пола, возраста и рода занятий, должны, не рассуждая, служить отечеству».

Товарищи черненького с рыжим помялись, повздыхали и все разошлись: кто – в сыщики, кто – в патриоты, а которые половчее – и туда и сюда, и остались рыжий с черненьким в полном одиночестве, во всеобщем подозрении. Пожили с неделю после реформы, подвело им животы, не стерпел дальше рыжий и говорит товарищу:

– Ванька, давай и мы отечеству служить?

Сконфузился черненький, опустил глаза и говорит:

– Стыдно...

– Мало ли что! Многие сытней нас жили, однако – пошли же на это!

– Им всё равно в арестантские роты срок подходил...

– Брось! Ты гляди: нынче даже литераторы учат: «Живи как хошь, всё равно – помрешь»... [30]

Спорили, спорили, так и не сошлись.

– Нет, – говорит черненький, – ты – валяй, а я лучше жуликом останусь...

И пошел по своим делам: калач с лотка стянет и не успеет съесть, как его схватят, изобьют и – к мировому, а тот честным порядком определит его на казенную пищу. Посидит черненький месяца два, поправится желудком, выйдет на волю – к рыжему в гости идет.

– Ну, как?

– Служу.

– Чего делаешь?

– Ребенков истребляю.

Будучи в политике невеждой, черненький удивляется:

– Почто?

– Для успокоения. Приказано всем – «будьте спокойны», [31] – объясняет рыжий, а в глазах у него уныние.

Качнет черненький головой и – опять к своему делу, а его – опять в острог на прокормление. И просто, и совесть чиста.

Выпустят – он опять к товарищу, – любили они друг друга.

– Истребляешь?

– Да ведь как же...

– Не жаль?

– Уж я выбираю которые позолотушнее...

– А подряд – не можешь?

Молчит рыжий, только вздыхает тяжело и – линяет, желтым становится.

– Как же ты?

– Да так всё... Наловят их где-нибудь, приведут ко мне и велят правды от них добиваться, добиться же ничего нельзя, потому что они помирают... Не умею я, видно...

– Скажи ты мне – для чего это делается? – спрашивает черненький.

– Интересы государства требуют, – говорит рыжий, а у самого голос дрожит и слезы на глазах.

Задумался черненький – очень жалко ему товарищу – какую бы для него деятельность независимую открыть?

И вдруг – вспыхнул!

– Слушай – денег наворовал?

– Да ведь как же? Привычка...

– Ну, так вот что – издавай газету!

– Зачем?

– Объявления о резиновых изделиях печатать будешь...

Это рыжему понравилось, ухмыльнулся.

– Чтобы не было ребенков?

– А конечно! Чего их на мучения рожать?

– Это верно! Только – газета зачем?

– Для прикрытия торговли, чудак!

– Сотрудники, пожалуй, не согласятся?

Черненький даже свистнул.

– Вона! Ныне сотрудники сами себя живьем в премии предлагают подписчицам...[32]

На том и решили: стал рыжий газету издавать, «при участии лучших литературных сил», открыл при конторе постоянную выставку парижских изделий, а над помещением редакции, ради соблюдения приличий, учредил дом свиданий для высокопоставленных лиц.

Дела пошли хорошо, живет рыжий, толстеет, начальство им довольно, и на визитных карточках у него напечатано:

«Вдоль Поперек

ИВСЯКО

Редактор-издатель газеты «Туда-сюда», директор-учредитель «Сладкого отдыха администраторов, утомленных преследованием законности». Тут же торговля презервативами оптом и в розницу».

Выйдет черненький из острога, зайдет к товарищу чайку попить, а рыжий его – шампанским угощает и хвалится:

– Я, брат, теперь даже умываться стал не иначе, как шампанским, ей-богу!

И, зажмурив глаза от восторга, умильно говорит:

– Хорошо ты меня надоумил! Вот это – служба отечеству! Все довольны!

А черненький тоже рад:

– Ну, вот и живи! Отечество у нас невзыскательно.

Растрогается рыжий – приглашает товарища:

– Вань, айда ко мне в репортеры!

Смеется черненький:

– Нет, браток, я, должно быть, кончерватор, уж я останусь жуликом, по-старинному...

Морали тут нет никакой. Ни зерна.

IX

Однажды начальство, утомясь в борьбе с инакомыслящими и желая наконец опочить на лаврах, приказало наистрожайше:

«Сим предписывается привести в наличность всех инакомыслящих, без стеснения извлекая оных из-под всяческих прикрытий, а по обнаружении искоренить дотла различными подходящими для того мерами».

Исполнение сего приказа было возложено на вольнонаемного истребителя живых существ обоего пола и всех возрастов Оронтия Стервенко, бывшего капитана службы его высочества короля фуэгийцев[33] и властелина Огненной Земли, для чего и было ассигновано Оронтию шестнадцать тысяч рублей.

Не потому Оронтий к сему делу призван был, чтобы своих дошлых не нашлось, а потому, что был он неестественно страховиден, отличался волосатостью, позволявшей ему ходить голым во всех климатах, а зубов имел по два ряда – шестьдесят четыре штуки полностью, чем и заслужил особенное доверие начальства.

Но, несмотря на все эти качества, и он задумался жестоко:

«Как их обнаружишь? Они – молчат!»

А действительно, житель в этом городе был муштрованный – все друг друга боялись,

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
считая провокаторами, и совершенно ничего не утверждали, даже с маменьками
разговаривая в условной форме и на чужом языке:

– N'est-ce pas?[34]

– Маман, пора бы обедать, n'est-ce pas?

– Маман, а не сходить ли нам сегодня в кинематограф, n'est-ce pas?

Однако, подумав достаточно, нашел-таки Стервенко способ вскрытия тайных
помыслов: вымыл волосы перекисью водорода, в нужных местах побрился и стал
блондином унылого вида, а потом надел костюм печального цвета, и – не узнать
его!

Выйдет вечером на улицу и раздумчиво ходит, а завидя, что житель, послушный
голосу природы, крадется куда-то, – нападет на него с левого бока и вызывающе
шепчет:

– Товарищ, неужели вы довольны этим существованием?

Сначала житель замедляет шаги, как бы что-то вспоминая, но чуть вдали покажется
будочник – тут житель сразу и обнаружит себя:

– Городовой, дер-ржи его..

Стервенко тигром прыгал через забор и, сидя в крапиве, размышлял:

«Эдак их не возьмешь, закономерно действуют, черти!»

А тем временем – ассигновка тает.

Переоделся повеселее и начал уловлять иным приемом: подойдет к жителю смело и
спрашивает:

– Господин, желаете в провокаторы поступить?

А житель хладнокровно осведомляется:

– Сколько жалованья?

Другие же вежливо отклоняют:

– Благодарю вас, я уже ангажирован!

«Н-да, – думает Оронтий, – поди-ка поймай его!»

Между тем ассигновка как-то сама собою умалывается.

Заглянул было в «Общество всесторонней утилизации выеденных яиц», но оказалось,
что оно состоит под высоким давлением трех епископов и жандармского генерала, а
заседает однажды в год, но зато каждый раз по особому разрешению из Петербурга.

Скучает Оронтий, и от этого ассигновка как будто скоротечной чахоткой заболела.

Тут он рассердился.

– Ладно же!

И начал действовать прямо: подойдет к жителю и без предисловий спрашивает его:

– Существованием доволен?

– Вполне!

– Ну, а начальство недовольно! Пожалуйте...

А кто скажет – недоволен, того, разумеется:

– Взять!

– Позвольте...

– Чего-с?

– Да я недоволен тем, что оно недостаточно твердо.

– Да-с? Взз...

Таким способом набрал он в течение трех недель десять тысяч разных существ и сначала посадил их куда можно, а потом стал развешивать, но – для экономии – за средства самих же обывателей.

И всё пошло очень хорошо. Только однажды главное начальство поехало на охоту за зайцами, а выехав из города, видит – на полях чрезвычайное оживление и картина мирной деятельности граждан – друг друга обкладывают доказательствами виновности, вешают, закапывают, а Стервенко ходит промежду ними с жезлом в руках и поощряет:

– Тор-ропись! Ты, брюнет, веселее! Эй, почтенный, вы чего остолбенели? Петля готова – ну, и полезайте, нечего задерживать других! Мальчик, эй, мальчик, зачем прежде папаша лезешь? Господа, не торопитесь, все успеете... Годы терпели, ожидая успокоения, несколько минут потерпеть можно! Мужик, куда?... Невежа...

Смотрит начальство, сидя на хребте ретивого коня, и думает:

«Однако много он их набрал, молодчина! То-то в городе все окна наглухо забиты...»

И вдруг видит – собственная его тетушка висит, не касаясь ногами тверди земной, – очень удивился.

– Кто распорядился?

Стервенко тут как тут.

– Я, вашество!

Тут начальник сказал:

– Ну, брат, кажется, ты – дурак и едва ли не зря казенные суммы тратишь! А представь-ка мне отчет.

Представил Стервенко отчет, а там сказано:

«Во исполнение предписания об искоренении инакомыслящих мною таковых обоого пола обнаружено и посажено 10 107.

Из них:

положено – 729 об. п.

повешено – 541»

непоправимо испорчено – 937»

не дожили – 317»

сами себя – 63»

Итого искоренено – 1 876»

На сумму – 16 884 р.,

считая по семи полковых за штуку совсем.

А перерасходовано – 884 р.»

В ужас пришло начальство, трясется и бормочет:

– Пере-расхо-од? Ах ты, фуэгиец! Да вся твоя Огненная Земля с королем и с тобою вместе 800 рублей не стоит! Ты подумай – ведь если ты такими кусками воровать будешь, то я – особа, вдесятеро тебя высшая, – как же тогда? Да ведь при таких аппетитах России-то па три года не хватит, а между тем не один ты жить хочешь – можешь ты это понять? И притом же 380 человек лишних приписано, ведь те, которые «не дожили», и те, что «сажа себя», – это же явно лишние! А ты, грабитель, и на них считаешь?...

– Вашество! – оправдывается Ороитий, – так ведь это я же их до отвращения к жизни довел.

– И на это по семи целковых? Да еще, вероятно, ни к чему не причастных сколько подложено! Всех жителей в городе двенадцать тысяч было – нет, голубчик, я тебя под суд отдам!

Действительно, назначили строжайшее расследование действий фуэгийца, и обнаружилось, что повинен он в растрате 916 казенных рублей.

Судили Оронтия справедливым судом, приговорили его на три месяца в тюрьму, испортили карьеру, и – пропал фуэгиец на три месяца!

Не легкое это дело – начальству угодить...

Х

Один добродушный человек думал-думал – что делать?

И решил:

«Не стану сопротивляться злу насилием, [35] одолею его терпением!»

Человек он был не без характера, – решил, сидит и терпит.

А соглядатаи Игемоновыг, узнав об этом, тотчас доложили:

«Среди жителей, подлежащих усмотрению, некоторый вдруг начал вести себя неподвижно и бессловесно, явно намереваясь ввести начальство в заблуждение, будто его совсем нет».

Освирепел Игемон.

– Как? Кого – нет? Начальства нет? Представить!

А когда представили – повелел:

– Обыскать!

Обыскали, лишили ценностей, как-то: взяли часы и кольцо обручальное, червонного золота, золотые пломбы из зубов выковыряли, подтяжки новенькие сняли, пуговицы отпорили, и докладывают:

– Готово, Игемон!

– Ну, что – ничего?

– Ничего, а что было лишнего – отобрано!

– А в голове?

– И в голове будто ничего.

– Допустите!

Вошел житель к Игемону, и уже по тому, как он штаны поддерживал, – узрел и понял Игемон его полную готовность ко всем случайностям жизни, но, желая произвести сокрушающее душу впечатление, все-таки взревел грозно:

– Ага, житель, явился?!

А житель кротко сознается:

– Весь пришел.

– Ты что же это, а?

– Я, Игемоне, ничего! Просто – решил я побеждать терпением...

Ощетинился Игемон, рычит:

– Опять? Опять побеждать?

– Да я – зло...

– Молчать!

– Да я не вас подразумеваю...

Игемон не верит:

– Не меня? А кого?

– Себя.

Удивился Игемон.

– Стой! В чем зло?

– В сопротивлении оному.

– Врешь?

– Ей-богу...

Игемона даже пот прошиб.

«Что с ним?» – думает он, глядя на жителя, а подумав, спрашивает:

– Чего ж ты хочешь?

– Ничего не хочу.

– Так-таки – ничего?

– Ничего! Разрешите мне поучать народ терпению личным моим примером.

Опять задумался Игемон. кусая усы. Имел он душу мечтательную, любил в бане париться, причем сладострастно гоготал, был вообще склонен к постоянному испытанию радостей жизни, единственно же чего терпеть не мог, – так это сопротивления и строптивости, против коих действовал умягчающими средствами, превращая в кашу хрящи и кости строптивцев. Но в свободные от испытания радости и умягчения жителей часы – весьма любил мечтать о мире всего мира и о спасении душ наших.

Смотрит он на жителя и – недоумевают.

– Давно ли еще? И – вот!

Потом, придя в мягкие чувства, спросил, вздохнув:

– Как же это случилось с тобой, а?

И ответил житель:

– Эволюция...

– Н-да, брат, вот она жизнь наша! То – то. то – другое... Во всем недород. Качаемся-качаемся, а на какой бок лечь – не знаем... не можем выбрать, да-а... И еще вздохнул Игемон: все-таки – человек и отечество жалел, кормился от него. Обуревают Игемона разные опасные мысли:

«Приятно видеть жителя мягким и укрощенным – так! Но, однако, если все перестанут сопротивляться, – не повело бы сие к сокращению суточных и прогонных? А также и наградные могут пострадать... Да нет, не может быть, чтобы он совсем иссяк, – притворяется, шельма! Надобно его испытать. Как употреблю? В провокаторы? Выражение лица распущенное, никакой маской это безличие не скрыть, да и красноречие у него, видимо, тусклое. В палачи? Слабосилен...»

Наконец придумал и – говорит служающим:

– Определите сего блаженного в третью пожарную часть конюшни чистить!

Определили. Чистит бестрепетно житель конюшни, а Игемон смотрит, умиляется трудотерпению его, и растет в нем доверие к жителю.

«Кабы все эдак-то!»

По малом времени испытания возвел его до себя и дал переписать собственноручно им фальшиво составленный отчет о приходе-расходе разных сумм, – переписал житель и – молчит.

Окончательно умилился Игемон, даже до слез.

«Нет, это существо полезное, хотя и грамотное!..»

Зовет жителя пред лицо свое и говорит:

– Верю! Иди и проповедуй истину твою, но, однако, гляди в оба!

Пошел житель по базарам, по ярмаркам, по большим городам, по маленьким и везде возглашает:

– Вы чего делаете?

Видят люди – личность, располагающая к доверию и кротости необыкновенной, сознаются пред ним, кто в чем виноват, и даже заветные мечты открывают: один – как бы украсть безнаказанно, другой – как бы надуть, третьему – как бы оклеветать кого-нибудь, а все вместе – как люди исконно русские – желают уклониться от всех повинностей пред жизнью и обязанности забыть.

Он им и говорит:

– А вы – бросьте всё! Потому сказано: «Всякое существование есть страдание, но в страдание оно обращается благодаря желаниям, следовательно, чтобы уничтожить страдание – надо уничтожить желания». [36] Вот! Перестанемте желать, и всё само собою уничтожится – ей-богу!

Люди, конечно, рады: и правильно и просто. Сейчас же, где кто стоял, там и лег. Свободно стало, тихо...

Долго ли, коротко ли, но только замечает Игемон, что уж очень смиренно вокруг и как будто жутко даже, но – храбрится.

«Притворились, шельмы!»

Одни насекомые, продолжая исполнять свои природные обязанности, неестественно размножаются, становясь всё более дерзкими в поступках своих.

«Однако – какая безглагольность!» – думает Игемон, ежась и почесываясь всюду.

Зовет служащего кавалера из жителей.

– Ну-ка, освободи меня от лишних...

А тот ему:

– Не могу.

– Что-о?

– Никак не могу, потому хотя они и беспокоят, но – живые, а...

– А вот я тебя самого покойником сделаю!

– Воля ваша.

И так – во всем. Все единодушно говорят – воля ваша, а как он прикажет исполнить его волю – скука начинается смертной. Дворец Игемона разваливается, крысы его заполнили, едят дела и, отравляясь, издыхают. Сам Игемон всё глубже погружается в неделание, лежит на диване и мечтает о прошлом – хорошо тогда жилось! Жители разнообразно сопротивлялись циркулярам, некоторых надо было смертию казнить, отсюда – поминки с блинами, с хорошим угощением! То там житель пытается что-нибудь сделать, надобно ехать и запрещать действие, отсюда – прогонные! Доложишь куда следует, что «во вверенном мне пространстве все жители искоренены», – отсюда наградные, и свежих жителей пришлют!

Мечтает Игемон о прошлом, а соседи. Игемоны других племен, живут себе, как жили, на своих основах, жители у них сопротивляются друг другу кто чем может и где надо, шум у них, бестолочь, движение всякое, а – ничего, и полезно им и вообще – интересно.

И вдруг догадался Игемон:

«Батюшки! А ведь подкузьмил меня житель-то!»

Вскочил, побежал по своей стране, толкает всех, треплет, приказывает:

– Встань, проснись, подымись!

Хоть бы что!

Он их за шиворот а шиворот сгнил и не держит.

– Черти! – кричит Игемон в полном беспокойстве. – Что вы? Поглядите на соседей-то!.. Даже вон Китай...

Молчат жители, прильнув к земле.

«Господи! – затосковал Игемон. – Что делать?»

И пошел на обман: наклонится к жителю да в ухо ему и шепчет:

– Эй, гражданин! Отечество в опасности, ей-богу, вот те крест – в серьезнейшей опасности! Вставай – надобно сопротивляться... Слышать, что будет разрешена всякая самодеятельность... гражданин!

А гражданин, истлевая, бормочет:

– От-течество мое в боге...

Другие же просто молчат, как обиженные покойники.

– Фаталисты окаянные! – кричит Игемон в отчаянии. – Подымайся! Разрешено всякое сопротивление...

Один какой-то бывший весельчак и мордобоец, приподнялся несколько, поглядел и говорит:

– А чему сопротивляться? Вовсе и нет ничего...

– Да насекомые же...

– Мы к ним привыкли!

Окончательно искажился разум Игемонов, встал он в пупе своей земли и орет неточным голосом:

– Всё разрешаю, батюшки! Спасайся! Делай! Всё разрешаю! Ешь друг друга!

Тишина и покой отрадный.

Видит Игемон – копчено дело!

Зарыдал, облился горячими слезами, волосья на себе рвет, зовет:

– Жители! Милые! Что же теперь – самому мне, что ли, революцию-то делать? Опомнитесь, ведь исторически необходимо, национально неизбежно... Ведь не могу же я сам, один революцию делать, у меня даже и полиции для этого нету, насекомые всю сожрали...

А они только глазами хлопают и – хоть на кол их сажай – не пикнут!

Так все молча и примерли, а отчаявшийся Игемон – после всех.

Из чего следует, что даже и в терпении должна быть соблюдаема умеренность.

XI

Наконец мудрейшие из жителей задумались надо всем этим:

«Что такое? Куда ни глянь – кругом шестнадцать!»

И, солидно подумав, решили:

– Всё это оттого, что нет у нас личности. [37] Необходимо нам создать центральный мыслящий орган, совершенно свободный от всяких зависимостей и вполне способный возвыситься надо всем и встать впереди всего, – вот как, например, козел – в стаде баранов...

Некто возразил:

– Братцы, а не довольно ли уж претерпели мы от центральных личностей?...

Не понравилось.

– Это, кажется, нечто от политики и даже с гражданской скорбью?

Некто всё тянет:

– Да ведь как же без политики, ежели она всюду проникает? Я, конечно, имею в виду, что в тюрьмах – тесно, в каторге – повернуться негде и что необходимо расширение прав...

Но ему строго заметили:

– Это, сударь мой, идеология, и пора бросить!.. [38] Необходим же новый человек и более ничего...

И вслед за сим принялись создавать человека по приемам, указанным в святоотческих преданиях: плюют на землю и размешивают, сразу по уши в грязи перепачкались, но результаты – жиденькие. В судорожном усердии своем все цветы редкие на земле притоптали и злаки полезные также изничтожили, – стараются, потеют, напрягаются – ничего не выходит, кроме суесловия и взаимных обвинений в неспособности к творчеству. Даже стихии из терпения вывели усердием своим: вихри дуют, громы гремят, сладострастный зной опалает размокшую землю, ибо – льют ливни и вся атмосфера насытилась тяжкими запахами – дышать невозможно!

Однако же время от времени этот кавардак со стихиями как бы разъясняется, и – се выходит на свет божий новая личность!

Возникает общее ликование, но – увы, кратковременное оно и быстро разрешается в

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
тягостное недоумение.

Ибо – ежели на мужицкой земле произрастет новая личность, то немедля же становится тертым купцом и, входя в жизнь, начинает распродавать отечество иноземцам[39] по кускам, от сорока пяти копеек ценою, вплоть до страстного желания продать целую область купно с живым инвентарем и со всеми мыслящими органами.

На купеческой земле замесят нового человека – он или дегенератом родится, или в бюрократы попасть хочет; на дворянских угодьях – как и прежде всегда было – произрастают существа с намерениями поглотить все доходы государства, а на землях мещан и разных мелких владельцев растут буйным чертополохом разных форм провокаторы, нигилисты, пассивисты и тому подобное.

– Но – всё это мы уже имеем в количестве весьма достаточном! – сознались друг другу мудрые жители и серьезно задумались:

«Допущена нами какая-то ошибка в технике творчества, но – какая?»

Сидят, размышляют, а грязь кругом так и хлещет волною морскою, о господи!

Пререкаются:

– Вы, Сельдерей Лаврович, слишком обильно и всесторонне плюетесь...

– А у вас, Корнишон Лукич, мужества на это не хватает...

А новорожденные нигилисты, притворяясь Васьками Буслаевыми, – ко всему относятся презрительно и орут:

– Эй, вы, овощи! Соображай, как лучше, а ми вам... поможем наплевать на всё...

И плюют и плюют...

Скучища всеобщая, взаимоозлобление и грязь.

На ту пору проходил мимо, отлынивая от уроков, Митя Коротышкин, по прозвищу Стальной Коготь, ученик второго класса мямлинской гимназии и знаменитый коллекционер иностранных марок, идет он и – видит: сидят люди в луже, поплевают в онаю и о чем-то глубоко мыслят.

«Взрослые, а пачколы!» – подумал Митя с дерзостью, свойственной малым годам.

Рассмотрел, нет ли среди них чего-нибудь педагогического, и, не заметив оного, осведомился:

– Вы зачем, дяденьки, в лужу залезли? Один из жителей, обидевшись, вступил в спор:

– Где тут лужа? Это просто подобие хаоса довременного!

– А чего вы делаете?

– Нового человека хотим создать! Надоели такие, как ты вот...

Заинтересовался Митя.

– А по чьему подобию?

– То есть – как? Мы желаем бесподобного... проходи!

Будучи ребенком, еще не посвященным в тайны природы, Митя, конечно, обрадовался случаю присутствовать при таком важном деле и простодушно советует:

– Сделайте о трех ногах!

– Это к чему же?

– Он смешно бегать будет...

– Поди прочь, мальчик!

– А то – с крыльями? Вот ловко бы! Сделайте с крыльями, ей-богу! И пусть бы он учителей похищал, как кондор в «Детях капитана Гранта», [40] – там, положим, кондор не учителя утащил, а лучше бы учителя...

– Мальчик! Ты говоришь вздор и весьма даже вредный! Вспомни молитву до и после учения...

Но Митя был мальчик фантастический и всё более увлекался:

– Идет учитель в гимназию, а он бы его – хоп! сзади за воротник и понес бы по воздуху куда-нибудь – это всё равно уж! – учитель только ножками болтает, а книжки так и сыплются, и чтобы их не найти никогда...

– Мальчик! Ступай уважать старших!

– А он кричит жене сверху: «Прощай, возношусь в небеса, я ко Илия и Енох», [41] а она стоит среди улицы на коленях и ноет: «Восиитательчик мой, недагогчик!..»

Они на него рассердились.

– Пшел! Болтать пустяковину и без тебя есть кому, а тебе еще рано!

И прогнали. А он, отбежав несколько, остановился, подумал и спрашивает:

– Вы – взаправду?

– Конечно же...

– А не выходит?

Вздохнули они угрюмо и говорят?

– Нет. Отстань...

Тогда Митя отошел от них подальше, показал им язык и дразнится:

– А я знаю почему, а я знаю почему!

Они – за ним, он – от них, но, привыкшие к перебежкам из лагеря в лагерь, догнали они его и давай трепать.

– Ах ты... старших дразнить?...

Митя – плачет, умоляет:

– Дяденьки... я вам суданскую марку... у меня дубликат... перочинный ножик подарю...

А они его директором пугают.

– Дяденьки! Я, ей-богу, никогда больше не буду дразниться! И, право же, я догадался, отчего не создается новый человек...

– Говори!

– Отпустите маленько!

Отпустили, но держат за обе руки, он же им говорит:

– Дяденьки! Земля – не та! Не годится земля, честное слово, сколько вы ни плюйте, ничего не выйдет!.. Ведь когда бог сотворил Адама по образу и подобию своему, – земля-то ничья была, а теперь вся – чья-нибудь, вот отчего и человек всегда чей-нибудь... и дело вовсе не в плевках...

Это их так ошеломило, что они и руки опустили, а Митя – драла да, отбежав от

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
них, приставил кулак ко рту и кричит:

– Краснокожие команчи! Ир-рокезы!

А они снова единодушно уселись в лужу, и мудрейший из них сказал:

– Коллеги, продолжаем наши занятия! Забудем об этом мальчишке, ибо несомненно, что он переодетый социалист...

Эх, Митя, милый!

XII

Жили-были Иванычи – замечательный народ! Что с ним ни делай – ничему не удивляется!

Жили они в тесном окружении Обстоятельств, совершенно не зависящих от законов природы, и Обстоятельства творили с ними всё, что хотели и могли: сдерут с Иванычей семь шкур и грозно спрашивают:

– А где восьмая?

Иванычи, нисколько не удивляясь, отвечают покорно Обстоятельствам:

– Еще не выросла, ваши превосходительства! Погодите маленько...

А Обстоятельства, нетерпеливо ожидая наращенной восьмой шкуры, хвастаются соседям, письменно и устно:

– У нас народонаселение благорасположено к покорности, делай с ним что хошь – ничему не удивляется! Не то, что у вас, например...

Так и жили Иванычи, – работали кое-что, подати-налоги платили, давали взятки кому сколько следует, а в свободное от этих занятий время – тихонько жаловались друг другу:

– Трудно, братцы!

Которые поумнее – предрекают:

– Еще и труднее будет!

Иногда кто-нибудь из них прибавлял к этим словам еще словечка два-три, и о таком человеке почтительно говорили:

– Он поставил точку над і!

Дошли Иванычи даже до того, что заняли большой дом в саду[42] и посадили в него специальных людей, чтобы они изо дня в день, упражняясь в красноречии, ставили точки над і.

Соберутся в этом доме человек четыреста, а четверо из них и начнут, как мухи, точки садить; насадят, сколько околоточный – из любопытства – позволит, и хвастаются по всей земле:

– Здорово мы историю делаем!

А околоточный смотрит на это ихнее занятие, как на скандал, и – чуть только они попытаются поставить точку над другой буквой – решительно предлагает им:

– Прошу алфавит не портить, и – расходитесь по домам!

Разгонят их, а они – не удивляясь – утешаются между собой.

– Ничего, – говорят, – мы все эти безобразия впишем, для посрамления, на страницы истории!

А Иванычи, тайно скопляясь в собственных квартирах по двое и по трое сразу, шепчут, – тоже не удивляясь:

– Наших-то избранных опять лишили дара слова! [43]

Смельчаки и отчаянные головы шепчут друг другу:

– Обстоятельствам закон не писан!

Иванычи вообще любили утешаться пословицами: посадят кого-нибудь из них в острог за случайное несогласие с Обстоятельствами – они кротко философствуют:

– Не в свои сани – не садись!

А некоторые из них злорадничают:

– Знай сверчок свой шесток!

Жили Иванычи этим порядком, жили и дожили наконец до того, что все точки над *i* поставили, все до одной! И делать иванычам больше нечего!

А тут и Обстоятельства видят, что всё это – ни к чему, и повелели опубликовать во всей стране строжайший закон:

«Отныне точки над *i* ставить повсеместно запрещается, и никаких точек, исключая цензурные, в обращении обывателей не должно существовать. Виновные в нарушении сего подвергаются наказанию, предусмотренному самыми жестокими статьями Уголовного уложения».

Ошалели Иванычи! Что делать?

Ничему другому они не обучены, только одно могли, да и то запрещено!

И вот, собираясь тайно, по двое, в темных уголках. они рассуждают шепотком, как пошехонцы анекдоте: [44] – Иваныч! А что – ежели, не дай бог, сохрани господи?

– Ну – что?

– Я не то что – тово, а все-таки...

– Пускай бог знает что, и то – ни за что! А не то что! А ты говоришь – во что!

– Да разве я что! Я – ничего!

И больше никаких слов не могут сказать!

XIII

По один бок земли жили Кузьмичи, по другой – Лукичи, а между ними – река.

Земля – место тесное, люди – жадны да завистливы, и оттого между людьми из-за всякого пустяка – драки; чуть что кому не понравилось – сейчас – ура! и – в морду!

Раздерутся, победят друг друга и давай прибыли-убытки считать: сосчитают – что за чудо?! – будто и хорошо дрались, вовсе беспощадно, а выходит – невыгодно!

Рассуждают Кузьмичи:

– Ему, Лукичу-то, красная цена – семь копеек, а убить его рупь шесть гривен стоило! Что такое?

Лукичи тоже соображают:

– Живой Кузьмич даже по самоличной оценке ни гроша не стоит, а уничтожить его – девяносто копеек вышло!

– Как это?

И со страха друг перед другом решают:

– Надо оружия побольше завести, тогда война скорее пойдет и убийство дешевле стоить будет.

А купечество ихнее, мошну набивая, кричит:

– Ребята! Спасай отечество! Отечество дорогого стоит!

Наготовили оружия без числа, выбрали подходящее время и давай друг друга со света сживать!

Бились, бились, Победили друг друга, ограбили, – опять прибыли-убытки считать – что за наваждение?

– Однако, – говорят Кузьмичи, – что-то у нас неладно! Намедни по рупь шесть гривен Лукича убивали, а ныне на каждую погубленную душу по шестнадцати целковых вышло!

Унывают! А Лукичам тоже невесело.

– Швах дело! Так дорого война обходится, что хоть брось!

Но, как люди упрямые, решили:

– Надобно, братцы, смертобойную технику пуще прежнего развивать!

А купечество ихнее, мошну набивая, орет:

– Ребята! Отечество в опасности находится!

А сами потихоньку цены на лапти поднимают да поднимают.

Развили Лукичи с Кузьмичами смертобойную технику, победили друг друга, пограбили, стали прибыли-убытки считать – хошь плачь!

Живой человек – нипочем ценится, а убить его всё дороже стоит!

В мирные дни жалуются друг другу:

– Разорит нас это дело! – говорят Лукичи.

– В корень разорит! – соглашаются Кузьмичи.

Однако, когда чья-то утка неправильно в воду нырнула, – опять разодрались.

А купечество ихнее, мошну набивая, жалуется:

– Ассигнации эти – просто замучили! Сколько их ни хватай – всё мало!

Семь лет воевали Кузьмичи да Лукичи, лупят друг друга нещадно, города уничтожают, всё жгут, даже пятилетних младенцев заставили из пулеметов палить. До того дошли, что у одних только лапти остались, а у других – ничего, кроме галстухов; нагишом ходят нации.

Победили друг друга, пограбили – стали прибыли-убытки считать, так и обомлели и те и эти.

Хлопают глазами и бормочут:

– Однако! Нет, ребята, видно, смертобойное дело окончательно не по кошелю нам! Глядите-тко, – на каждого убитого Кузьмича по сто целковых вышло. Нет, надобно принимать другие меры...

Посоветовались да и вышли на берег все гуртом, а на другом берегу враги стоят, тоже стадом.

Конечно, стесняются, глядят друг на друга, и будто стыдно им. Помялись, помялись и кричат с берега на берег:

- Вы чего?
- Мы – ничего. А – вы?
- И мы – ничего.
- Мы просто – так, на реку поглядеть вышли...
- И мы...

Стоят, чешутся, которым – стыдно, а другие – охают в грустях.

Потом опять кричат:

- У вас дипломаты есть?
- Есть. А у вас?
- И у нас...
- Ишь вы!
- А – вы?
- Да ведь мы-то что же?
- А – мы? И мы тоже...

Поняли друг друга, утопили дипломатов в реке и давай говорить толком:

- Знаете, по что мы пришли?
- Будто знаем!
- А – по что?
- Мириться хотите.

Удивились Кузьмичи.

- Как это вы догадались?

А Лукичи ухмыляются, говорят:

- Да ведь мы сами – тоже за этим! Уж больно дорого война стоит.
- Вот это самое!
- Хоть вы и жулики, однако давайте жить мирно, а?
- Хоша вы тоже – воры, но мы согласны!
- Давайте жить по-братски, ей-богу – дешевле будет!
- Идет!

Радостно стало всем, пляшут, скачут, точно бесноватые, костры развели, девиц друг у друга умыкают, коней крадут и кричат друг другу, обнимаясь:

- Братцы, милые, хорошо-то как, а? Хотя вы и... так сказать...

А Кузьмичи в ответ:

- Родимые! Все мы – одна душа и едино суть. Хоша вы, конечно, и того... ну – ладно!

С той поры живут Кузьмичи с Лукичами тихо, мир-го, военное дело вовсе забросили и грабят друг друга легонько, по-штатски.

Ну, а купечество, как всегда, живет по закону божию..

XIV

Лежит смиренно-упрямый человек Ванька под поветью, наработался, навозился – отдыхает. Прибежал к нему боярин, орет:

- Ванька, вставай!
- А для че?
- Ай да Москву спасать!
- А чего она?
- Поляк обижает! [45]
- Ишь, пострел...

Пошел Ванька, спасает, а бес Болотников [46] кричит ему:

- Дурова голова, чего ты на бояр даром силу тратишь, подумай!
- Я думать не привычен, за меня святые отцы-монахи больно хорошо думают, – сказал Ванька.

Спас Москву, пришел домой, глядит – повети нет.

Вздыхнул:

- Эки воры!

Лег на правый бок для хороших снов, пролежал двести лет, вдруг – бурмистр бежит;

- Ванька, вставай!
- Чего оно?
- Айда Россию спасать!
- А кто ее?
- Бонапарат о двенадцати языках!
- Ишь его как... анафема!

Пошел, спасает, а бес Бонапарт нашептывает ему: [47]

- Чего ты, Ваня, на господ стараешься, пора бы те, Ванюшка, из крепостной неволи выйти!
- Сами выпустят, – сказал Ванька.

Спас Россию, воротился домой, глядит – на избе крыши нет.

Вздыхнул:

- Эки псы, всё грабят!

Пошел к барину, спрашивает:

- А что, за спасение России ничего не будет мне?

А барин его спрашивает:

- Хошь – выпорю?
- Нет, не надо! Спасибо.

Еще сто лет поработал да проспал; сны видел хорошие, а жрать нечего. Есть деньги – пьет, нет денег – думает:

«Эхма, хорошо бы выпить!..»

Прибежал стражник, орет:

- Ванька, вставай!
- Еще чего?
- Айда Европу спасать!
- Чего она?
- Немец обижает!
- И что они беспокоятся, тот да этот? Жили бы..

Пошел, начал спасать – тут ему немец ногу оторвал. Воротился Ванька на одной ноге, глядь – избы нет, ребятишки с голоду подохли, на жене сосед воду возит.

– Ну и дела-а! – удивился Ванька, поднял руку, затылок почесать, а головы-то у него и нету!

XV

В славном городе Мямлине жил-был человек Микешка, жил не умеючи, в грязи, в нищете и захудании; вокруг него мерзостей потоки текут, измывается над ним всякая нечистая сила, а он, бездельник, находясь в состоянии упрямой нерешительности, не чешется, не моется, диким волосом обрастает и жалуется ко господе:

– Господи, господи! И до чего же я скверно живу, до чего грязно! Даже свиньи – и те надо мной смеются. Забыл ты меня, господи!

Нажалуется, наплачется досыта, ляжет спать и – мечтает:

«Хоть бы нечистая сила маленькую какую-нибудь реформишку дала мне смиренства и убожества моего ради! Помыться бы мне, почиститься...»

А нечистая сила еще больше издевается над ним, исполнение всех естественных законов отложила впредь до прихода «лучших времен» и ежедневно действует по Микешке краткими циркулярами в таком роде:

«Молчать! А виновные в нарушении сего циркуляра подвергаются административному искоренению даже до седьмого колена».

Или:

«Предписывается искренно любить начальство. А виновные в неисполнении сего подвергаются...»

Читает Микешка циркуляры, – озирается, видит: в Мямлине – молчат, в Дремове – начальство любят, в Воргороде – жители друг у друга лапти воруют.

Стонет Микешка:

– Господи! Какая это жизнь? Хоть бы что-нибудь случилось...

И вдруг – солдат пришел. [48]

Известно, что солдат ничего не боится, – разогнал он нечистую силу, запихал он ее в темные погреба, в глубокие колодцы, загнал в проруби речные, сунул руку за пазуху себе, – вытащил миллион рублей и – солдату ничего не жалко! – дает Микешке:

– На, получи, убогой. Сходи в баню, вымойся, приберись, будь человеком, – пора!

Дал солдат миллион и ушел восвояси, будто его и не было!

Прошу не забыть, что это – сказка.

Остался Микешка с миллионом в руках, – чего ему делать? От всякого дела был он издавна циркулярами отучен, только одно умел – жаловаться. Однако пошел на базар в красный ряд, купил себе кумачу на рубаху да, кстати, и на штаны, одел новую одежду на грязную кожу, шлендает по улицам день и ночь, будни и праздники, фордыбачит, хвастается, – шапка набекрень, мозги – тоже.

– Я-ста, – говорит, – давно эдак-то мог, да не хотелось. Мы-ста, мямлины, народ большой, нам нечистая сила не страшнее блох. Захотелось, и – кончено.

Гулял Микешка неделю, гулял месяц, перепел все песни, какие знал, и «Вечную память», и «Со святыми упокой», – надоел ему праздник, а работать – неохота. И скучно стало с непривычки: всё как-то не так, всё не то, околоточных – нет, начальство – не настоящее, из соседей набрано, трепетать не перед кем – нехорошо, необычно.

Ворчит Микешка:

– Раньше, при нечистой силе, порядку больше было. И улицы вовремя чистили, и на каждом перекрестке законный городской стоял. Бывало – идешь куда-нибудь, едешь, а он приказывает: держи направо! А теперь – куда хошь иди, никто ничего не скажет. Эдак-то на самый край прийти можно... Вон, уж некоторые дошли...

И всё скушнее Микешке, всё тошнее. Глядит на миллион, а сам сердится:

– Что мне миллион? Другие больше имеют! Кабы мне сразу миллиард дали, ну, тогда еще... А то – миллион! Хе! Чего я с ним, с миллионом, исдедаю? Теперь даже курица орлом ходит, потому – ей, курице, шестнадцать рублей цена! А у меня всего-на-все миллион... Тут обрадовался Микешка, что нашлась причина для привычных жалоб, – ходит по грязным улицам, орет:

– Давайте мне миллиард! Не могу я ничего! Какая это жизнь? Улицы не чищены, полиции – нет, везде беспорядок! Давайте мне миллиард, а то – жить не хочу!

Вылез из-под земли старый крот и говорит Микешке:

– Дурачок, чего орешь? У кого просишь? Ведь у себя просишь!

А Микешка – свое:

– Миллиард надобно мне! Улицы не чищены, спички – дороги, порядку нет...

Сказка не кончена, но дальше – нецензурно.

XVI

Жила-была баба, скажем – Матрена, работала на чужого дядю, скажем – на Никиту, [49] с родственниками его и со множеством разной челяди.

Плохо было бабе, дядя Никита никакого внимания на нее не обращал, хотя пред соседями хвастался:

– Меня моя Матрена любит, – чего хочу, то с ней и делаю. Примерное животное, покорное, как лошадь...

А пьяная, нахальная челядь Никитина ежечасно обижает Матрену, то – обокрадет ее, то – изобьет, а то просто, от нечего делать – надругается над ней, но между собою тоже говорит:

– Ну и бабочка Матрена наша! Такая, что иной раз даже жалко ее!

Но, жалея на словах, на деле все-таки продолжали истязать и грабить.

Кроме сих, вредных, окружали Матрену многие бесполезные, сочувствуя долготерпению Матренину; глядят на нее со стороны и умиляются:

– Многострадальная ты наша, убогая! [50]

Некоторые же, в полном восхищении, восклицали:

– Тебя, – говорят, – даже аршином измерить невозможно, до чего ты велика! И умом, – говорят, – не понять тебя, в тебя, – говорят, – только верить можно! [51]

А Матрена, как медведица, ломит всякую работу изо дня в день, из века в век, и всё – без толку: сколько ни сработает – дядина челядь всё отберет. Пьянство вокруг бабы, разврат и всякая пакость, – дышать невозможно!

Так и жила она, работает да спит, а в свободные минуты сокрушается про себя:

«Господи! Все-то меня любят, все меня жалеют, а настоящего мужчины – нету! Кабы пришел какой-нибудь настоящий, да взял бы меня в крепкие руки, да полюбил бы меня, бабу, во всю силу, – эдаких бы детей родила я ему, господи!»

Плачет, а больше ничего не может!

Подсыпался к ней кузнец, да не нравился он Матрене, человек вида ненадежного, копченый весь какой-то, характера дерзкого и говорит непонятно, – как будто даже хвастает:

– Только, – говорит, – в идейном единении со мной сможете вы, Матреша, перейти на следующую стадию культуры...

А она ему:

– Ну, что ты, батюшка, куда ты! Я даже и слов твоих не понимаю, к тому же я велика и обильна, а тебя еле видать!

Так и жила. Все ее жалеют, и сама себя она жалеет, а толку от этого никакого нет.

И вдруг – герой пришел. [52] Пришел, прогнал дядю Никиту с челядью и объявляет Матрене:

– Отныне ты вполне свободна, а я твой спаситель, вроде Георгия Победоносца со старой копейки! [53]

Глядит Матрена – и впрямь свободна она! Конечно – обрадовалась.

Однако и кузнец заявляет:

– И я – спаситель!

«Это он из ревности», – сообразила Матрена, а вслух и говорит:

– Конечно, и ты, батюшко!

И зажили они, трое, [54] при веселых удовольствиях, каждый день – то свадьба, то похороны, каждый день ура кричат. Дядин челядинец Мокей республиканцем себя почувствовал – ура! Ялutorовск с Нарымом объявили себя Соединенными Штатами, [55] тоже – ура!

Месяца два жили душа в душу, просто утопали в радости, как мухи в ковше кваса, но вдруг, – на святой Руси всё делается вдруг, – вдруг – заскучал герой!

Сидит против Матрены и спрашивает:

– Тебя кто освободил? я?

– Ну, конечно, ты, миленькой!

– То-то!

– А я? – говорит кузнец.

– И ты...

Через некоторое время герой опять спрашивает:

– Кто тебя освободил – я али нет?

– Господи, – говорит Матрена, – да ты же, ты самый!

– Ну, помни же!

– А я? – спрашивает кузнец.

– Ну, и ты... Оба вы...

– Оба? – говорит герой, разглаживая усы. – Хм... н-не знаю...

Да и начал ежечасно допрашивать Матрену:

– Спас я тебя, дуреху, али – нет?

И всё строже: [56]

– я – твой спаситель али кто?

Видит Матрена – кузнец, нахмурясь, в сторонку отошел, своим делом занимается, воры – воруют, купцы – торгуют, [57] всё идет по-старому, как в дядины времена, а герой – измывается, допрашивает ежедень:

– я тебе – кто?

Да в ухо ее, да за косы!

Целует его Матрена, ублажает, ласковые речи говорит ему:

– Милая ты моя Гарибальди итальянская, Кромвель ты мой аглицкий, Бонапарт французский!

А сама, по ночам, плачет тихонько:

– Господи, господи! Я думала – и в сам-деле что-нибудь будет, а оно вот что вышло!

Позвольте напомнить, что это – сказка.

Комментарии

Впервые напечатано в издании: М. Горький. Русские сказки. Berlin, I. Ladyschnikow Verlag, <1912> (сказки I, II, IV–XI); а также: в журнале «Современный мир» (СМ), 1912, № 9, стр. 1 – 33 (I, II, IV–X), под заглавием «Сказки»; III – в газете «Русское слово», 1912, № 290, 16 декабря; XI – в газете «Правда», 1912, № 131, 30 сентября; XII – в газете «Свободные мысли», 1917, № 1, 7 марта; XIII – в газете «Новая жизнь» (НЖ), 1917, № 1, 18 апреля; XIV – там же, № 5, 23 апреля; XV – там же, № 7, 26 апреля; XVI – там же, № 68, 7 июля. В 1917 г. сказки I–XVI вышли отдельной книгой: Максим Горький. Русские сказки. Berlin, I. Ladyschnikow Verlag, <1917>.

В Архиве А. М. Горького хранятся:

1. Машинопись сказок I, II, IV–XI с авторской правкой и подписью. Заглавие «Русские сказки» вписано Горьким. Правка незначительная. Машинопись – АМ1 послужила наборным экземпляром для первого отдельного издания И. П. Ладыжникова (Л1) (ХПГ-45-6-1).

2. Машинопись сказки III с авторской правкой – АМ2. Заглавие и подпись (машинописные) зачеркнуты синим карандашом. Машинопись прислана Горькому в 1915 г. из редакции газеты «Русское слово» (ХПГ-45-6-2).

3. Машинопись сказки VII с авторской правкой синим и красным карандашами для журнала «Колхозник» (1935) и подписью «М. Горький» – АМЗ. Провка фиолетовыми чернилами – редакторская (ХПГ-45-6-3).

4. Машинопись сказки XIII с незначительной авторской правкой, отражающей раннюю стадию работы – АМт (ХПГ-45-6-4).

5. Машинопись сказки XIV с незначительной авторской правкой. Отличается от окончательного текста – АМЬ (ХПГ-45-6-5).

6. Печатный текст второго отдельного издания И. П. Ладыжникова (ЛГ) с авторской правкой для К (ХПГ-45-6-6).

7. Печатный текст сказки VII из собрания сочинений Гр, стр. 173–176, без помет (ХПГ-45-6-7).

8. Печатный текст сказки VII Гр, стр. 173–176. Заглавие – «Сказка» (рукой неустановленного лица) (ХПГ-45-6-8).

Сказки I, II, IV–VI, VIII–XVI печатаются по К, а сказки III и VII по АМ%, АМЗ со следующими исправлениями:

Стр. 185, строка 16: «фамилию министра – Коковцев» вместо «фамилию министра» (по ЛГ и К).

Стр. 186, строки 28–29: «с надеждой и со страхом спросил он» вместо «с надеждой спросил он и со страхом» (по тем же источникам).

Стр. 189, строка 39: «Простился с ним писатель» вместо «Простился с ним» (по АМХ и СМ).

Стр. 190, строка 35: «кто-то от публики» вместо «кто-то из публики» (по АМХ, СМ, ЛХ).

Стр. 193, строка 17: «шишки вскочили» вместо «шишки выскочили» (по СМ).

Стр. 193, строка 31: «Брллиант вы мой» вместо «Бриллиант вы мой» (по АМХ, СМ, Л1 Г).

Стр. 194, строка 12: «Хотя Некрасов» вместо «Некрасов» (по АМХ и СМ).

Стр. 194, строка 28: «Да потом еще» вместо «а потом еще» (по СМ п Лх 2).

Стр. 196, строка 20: «что-нибудь духоподъемное» вместо «что-нибудь худоподъемное» (по АМХ и СМ).

Стр. 204, строка 4: «для них недосыгаемы» вместо «для них недосыгаемые» (по всем другим источникам).

Стр. 232, строка 41: «с миллионом исделаю» вместо «с миллионом и сделаю» (по всем другим источникам).

Стр. 234, строки 28–29: «Пьянство вокруг бабы» вместо «Пьянство вокруг, бабы» (по НЖ).

Горький начал работать над «Русскими сказками» в конце 1911 г. [58] 14 (27) декабря он сообщил Е. П. Пешковой: «Пишу „сказки"...» (Архив ГЛХ, стр. 131). В то же время он уведомил Н. А. и Т. В. Румянцевых: «...начал писать „русские сказки", кои будут печататься в питерском журнале „Запросы жизни"» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-37-29-13).

С замыслом «Русских сказок» связаны письма Горького Е. П. Пешковой от 17 (30) января и от 30 января (12 февраля) 1912 г. В первом из них дана резкая характеристика некоторых писателей, в частности, Арцыбашева; во втором говорится об общественно-политической атмосфере в России: «События слагаются таким кольцом, что их угрожающий характер должен бы и мертвых воскресить, а у нас – всё спокойно. Никто ничего не чувствует, кроме мерзавца Струве, который метит на

Русские сказки. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
роль Каткова. Вот она „эволюция“ русской души от Герцена к Каткову! Очень тяжело и жутко» (Архив ГЛХ, стр. 135).

Судя по этим письмам, Горький, вероятно, уже написал сказку о «барине», ищущем свое «национальное лицо» (прототипом «барина» был П. В. Струве). Несколько раньше созданы сказки о пессимисте, приспособившемся к требованиям времени, продажном поэте и честолюбивом писателе, сказка о двух жуликах и о «философе»-непротивленце. 13 (26) февраля М. М. Коцюбинский сообщил жене с Капри: «Горький написал очень хороший рассказ „Три дня“, а кроме того, семь русских сказок, очень ядовитых, но остроумных и хороших. Вообще он чудесно пишет теперь» (Коцюбинский, т. 4, стр. 348).

Сохранились две записи в дневнике К. П. Пятницкого. 10 (23) февраля 1912 г.: «Горький присылает „Русские сказки“, № 1-Х. Читаю». 11 (24) февраля 1912 г. Пятницкий отметил в разделе «Рукописи»: «М. Горький. Русские сказки.

1. Философ.
2. Поэт.
3. Смерть писателя.
4. Национальное лицо.
5. Помещик.
6. Евреи.
7. Два жулика.
8. Оронтий.
9. Непротивление злу.
10. Личность»

(Архив А. М. Горького, Д-пят, 1912, л. 835, 867).
Это соответствует I, II и IV-XI произведениям цикла «Русские сказки». Вероятно, об этих же сказках говорил И. А. Бушш в интервью, данном сразу же по приезде в Россию, сообщая, что Горький «...за эту зиму написал повесть „Три дня“ и несколько мелких вещей под общим заглавием „Русские сказки“. В сатирическо-символическом изложении сказки эти затрагивают различные стороны современной русской действительности. При мне он написал десять таких сказок, но думаю, что из них добрую половину придется напечатать за границей...» (А. Аронберг. У И. А. Бунина. – «Одесские новости», 1912, № 8659, 1 марта). Бушш пробыл на Капри с 1 (14) ноября 1911 г. до 17 февраля (1 марта) 1912 г. Стало быть, первые десять сказок Горький написал за период с конца 1911 г. до начала февраля 1912 г.

Намерение Горького отдать «Русские сказки» в петербургский журнал «Запросы жизни», где печатался цикл его статей «Издали», не осуществилось. Летом 1912 г. писатель решил отказаться от какого-либо сотрудничества в этом журнале, заявив его редактору Р. М. Бланку: «„Беспартийность“ „Запросов“ жизни“ становится постепенно своеобразной партийностью без программы – худшим видом партийности...» (Г-30, т. 29, стр. 250). 3 (16) января 1912 г. он сообщил Е. П. Пешковой, что будет печататься в «Современном мире» (см.: Архив ГЛХ, стр. 132).

И действительно, не позднее 15 (28) февраля 1912 г. Горький отправил экземпляр машинописи десяти сказок Б. Н. Рубинштейну, в Берлин, для публикации в издательстве И. П. Ладыжникова, а второй, идентичный экземпляр – в Петербург, в редакцию журнала «Современный мир». В середине февраля Горький писал сотруднику журнала В. Л. Львову-Рогачевскому: «Вчера же послал на имя Марии Карловны <Иорданской – издательницы журнала „Современный мир“> десяток юмористических „русских“ сказок, думаю, что они своевременны» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-24-5-9). Иорданская отозвалась сразу же: «Дорогой Алексей Максимович, спасибо за сказки. Кое-какие места в цензурном отношении не благополучны, но это Вам виднее будет в корректуре» (там же, КГ-п-31-10-2).

Весной 1912 г. издательство Ладыжникова выпустило отдельное издание «Русских

Русские сказки. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

сказок» в том составе, который зафиксирован в дневнике Пятницкого. Книга вышла, по-видимому, в марте 1912 г., так как 1 (14) апреля Горький уже договаривался с Рубинштейном относительно ее нового издания за рубежом (см.: Г-30, т. 29, стр. 233). В том же письме он сообщил, что к осени даст еще 10 «русских сказок», а 9 (22) апреля писал: «Извините, что беспокою: будьте добры, пришлите мне „Русские сказки“ – очень нужно. Пошлите экспрессом» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-37-19-18). Следовательно, в апреле книга уже была отпечатана. [59]

В России первая публикация «Русских сказок» задержалась. Один из редакторов «Современного мира», В. П. Крапихфельд, извиняясь за долгое молчание, писал Горькому 4 (17) июня 1912 г.: «Вот и теперь, рискуя навлечь на себя Ваше справедливое неудовольствие, мы попридерживаем в портфеле Ваши прелестные „Русские сказки“, рассчитывая при Вашем снисходительном попустительстве дотянуть их до осени <...> в интересах журнала нам было бы желательнее использовать в летних книжках залежавшийся материал иной ценности. Надеюсь, что Вы снизойдете к интересам журнала...» (Архив А. М. Горького, КГ-п-39-16-2).

В июне 1912 г. Горький ответил:

«Полгода я ждал ответа на мое письмо и – получил „полемику“, понуждающую меня на возражения.

Посылая сказки, которые Вы называете „прелестными“, я просил, если они понравятся, поместить их в весенних книжках, и через три месяца получаю ответ, что их лучше напечатать осенью.

Сказки эти для меня – новый жанр, мне было бы очень полезно знать, в какой мере они удачны; я не самолюбив, со мной можно говорить просто и откровенно. Мне кажется, что, если бы сказки оказались достаточно удобными для журнала и ценными с точки зрения социально-педагогической, их можно бы давать два раза в год, частью как фельетон на темы современности, частью же „вообще“ на русские темы» (там же, ПГ-рл-21-7-1).

Ответное письмо Крапихфельда датировано 7 (20) июля 1912 г. «Теперь о „Сказках“. Называя их „прелестными“, я высказал о них свое искреннее мнение и даже не только свое: такого же мнения о них Мария Карловна <...> Конечно, они не равноценны, и слабее всех остальных показалась мне последняя сказка: она оставляет впечатление некоторой незаконченности <...> Если Вы доверяете моему опыту, то, может быть, Вы согласились бы или переместить последнюю сказку, поставив ее где-нибудь среди других, или даже совсем устранить ее из первой серии, обработав ее для второй серии. Последнее мне кажется более целесообразным <...> В сентябре, и никак не позже, сказки <...> появятся в печати, и при таких условиях Ваше желание давать их два раза в год вполне осуществимо, несмотря даже на то, что мы были вынуждены обстоятельствами попридерживать их в редакционном портфеле. В декабре, – стало быть, с перерывом в три или два месяца – появление второй серии сказок было бы очень и очень желательно, и мы будем Вам весьма признательны, если Вы выполните Ваше намерение и заблаговременно к декабрю пришлете нам вторую серию» (там же, КГ-п-39-16-3).

Горький, по-видимому, был недоволен тем, что публикация сказок откладывается до осени. Летом 1912 г. он попытался договориться с Пятницким и включить их в XXXVIII сборник «Знания». В июне он писал Пятницкому: «Пожалуйста, Константин Петрович, ответьте мне завтра же, насколько уместно и возможно ли с цензурной точки зрения печатать эти сказки в сборнике?». На письмо – пометка рукой Пятницкого: «О „Русских сказках“ для XXXVIII». Однако в этом сборнике «Знания» появилась лишь одна из «Сказок об Италии».

На письмо Крапихфельда Горький ответил коротко: «Со „сказками“ поступайте, как Вам удобнее» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21-7-5), а в другом письме распорядился:

«Десятую сказку – отбросьте, я пришлю другую на место ее, а если не успею – печатайте девять. Но, наверное, успею.

Вторую серию – к декабрю – пришлю» (там же, ПГ-рл-21-7-6).

Письмо датируется июлем 1912 г., и уже в конце июля – начале августа Горький писал Крапихфельду: «Посылаю „сказку“ в замену прежде посланной десятой, которую

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
прошу вернуть мне» (там же, ПГ-рл-21-7-7).

На основании этих писем можно установить, что в июле 1912 г. Горький написал сказку о советнике Ономе и трех его сыновьях, послав ее в редакцию «Современного мира» взамен той, которая условно была названа им «Личность».

В сентябрьском номере «Современного мира» появился первый цикл русских сказок – под заглавием «Сказки» и с рядом редакторских поправок в тексте. 13 (26) сентября Кранихфельд писал Горькому: «На днях выйдет в свет несколько запоздавшая сентябрьская книга „Современного мира“. На первом месте – Ваши „Русские сказки“, которые я, напуганный штрафами и конфискациями, позволил себе в последнюю минуту перекрестить просто в „Сказки“. В соответствии с этим в трех случаях, где действие происходит в „некотором царстве, в некотором государстве“, я заменил вкрапленные в текст слова „Россия“, „русский“ – страной, отечеством, подданным» (там же, КГ-н-39-16-4).

Горький ответил 19 сентября (2 октября): «Уважаемый Владимир Павлович! Внесенные Вами поправки вызваны опасением за судьбу книги – значит, так тому и быть <...> Ту „сказку“, которая осталась не напечатанной, я просил послать мне. Теперь усердно прошу: когда выйдет книжка, пошлите, пожалуйста, оставшуюся ненапечатанной сказку газете „Правда“» (там же, ПГ-рл-21-7-8).

Сказку о «мудрейших жителях», которые пытались создать нового человека («Личность»), Кранихфельд после выхода сентябрьской книжки журнала передал в большевистскую газету «Правда». Можно думать, что она не устраивала редакцию «Современного мира» по идейным соображениям, так как доводы Кранихфельда о ее художественном несовершенстве несостоятельны. В сказке высмеивались веховские идеологи, с которыми меньшевистско-кадетская редакция журнала была в добрых отношениях.

Летом 1912 г. у Горького налаживается связь с газетой «Правда». 28 июня (и июля) Ладыхников сообщал ему об успехе газеты среди рабочих, но жаловался на отсутствие сил и средств, мешающее работе (Архив А. М. Горького, КГ-п-42-1-3). 19 июля (1 августа) 1912 г. В. И. Ленин писал Горькому: «А в России революционный подъем, не иной какой-либо, а именно революционный. И нам удалось – таки поставить ежедневную „Правду“...» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 48, стр. 81). В следующих письмах Ленин просил Горького сотрудничать в газете и тем самым помочь росту ее популярности. В начале октября 1912 г. он сетовал: «В „Правде“ вас все нет да нет. Жаль. А надо бы поддержать газету» (там же, стр. 97). Откликаясь на просьбы Ленина, Горький и решил передать в «Правду» сказку, не опубликованную в «Современном мире».

4(17) октября 1912 г. Ленин писал Горькому: «На днях получил из редакции „Правды“ в Питере письмо, в котором они просят меня написать Вам, что чрезвычайно рады бы были постоянному Вашему сотрудничеству. „Хотим-де предложить Горькому 25 коп. за строчку, да боимся, чтобы он не обиделся“, – так они мне пишут» (там же, стр. 100). В ответ Горький послал Ленину письмо, адресованное редакции «Современного мира», с просьбой передать «Правде» десятую сказку. Ленин в тот же день сообщил правдистам:

«Писал, по Вашей просьбе, Горькому и получил от него сегодня ответ. Он пишет: „Пошлите прилагаемую записку „Правде“. О гонораре не может быть и речи, это чепуха. Работать в газете я буду, скоро начну посылать ей рукописи. Не мог сделать этого до сих пор лишь потому, что отчаянно занят, работаю часов по 12, спина трещит“.

Как видите, настроен Горький очень дружелюбно».

Ниже – приписка Ленина: «Прилагаю письмо Горького в „Современный мир“ о выдаче Вам „Сказки“. Скорее верите» (там же, стр. 105–106).

Однако письмо Горького не понадобилось: редакция «Современного мира» уже передала сказку «Правде», и она была напечатана 30 сентября (13 октября) 1912 г., в воскресном номере газеты. За два дня до этого «Правда» сообщала: «В воскресном номере „Правды“ будет помещена „Сказка“ М. Горького» («Правда», 1912, № 129, 28 сентября).

Ленин высоко оценил выступление Горького на страницах «Правды». В декабре 1912

г., убеждая писателя принять участие в агитации за подписку на газету, он писал: «В какой форме? Если есть сказка или что-либо подходящее, – тогда объявление об этом будет очень хорошей агитацией» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 48, стр. 137).

К декабрю 1912 г. Горький собирался прислать «Современному миру» вторую серию «Русских сказок». Для нее были предназначены сказки: о советнике Ономе, о «мудрейших жителях» и о Смертяшкине.

Одним из поводов для создания сказки о Смертяшкине послужил выпад писателя-декадента Федора Сологуба против Горького. Весной 1912 г. в кадетской газете «Речь» появились «ненапечатанные эпизоды» из романа Сологуба «Мелкий бес» под заглавием «Сергей Тургенев и Шарик» («Речь», 1912, № 102, 15 апреля; № 109, 22 апреля; № 116, 29 апреля). В образе Шарика был высмеян Горький, а под именем Сергея Тургенева – Скиталец.

В связи с этим Горький писал Л. Андрееву в мае 1912 г.: «Началась в литературе русской какая-то новая – странная – портретная полоса: только что вышла повесть Ш. Аша, где прегрубо нарисованы Вольтер, Чириков, Дымов, Бурдес и Ходотов и еще куча людей. Недавно читал рукопись, посвященную Арцыбашеву, имею препоганый рассказ о Куприне, старичок Тетерников размалевал меня, Дымов, – как говорят, – Мережковского, у Ропшина тоже портретики. Что это значит?» (Лит Наел, т. 72, стр. 345). О том же писал Горький Р. М. Бланку в конце мая 1912 г.: «Писать на тему о необходимости объединения для нашей интеллигенции пробовал, но – выбит. из позиции, потерял нужное настроение, прочитав ряд последних книг – что за „новая полоса“ в русской литературе?» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-4-18-7). Наконец, сообщая тогда же о сологубовском шарже А. В. Амфитеатрову («Сологуб раскрасил меня»), Горький заметил, что зачинатели «новой полосы» «дадут очень солидный материал гасителям духа и тем, кто любит плясать на могилах»... И добавил с иронией: «...я сию и сочиняю длинную поэму, коя начинается так:

Если б я, положим, удавился –
То-то бы читатель удивился! и т. д.»
(там же, ПГ-рл-1-25-162).

Сказка о Смертяшкине продиктована стремлением дать отповедь тем, «кто любит плясать на могилах». Поэтому было бы неправильно связывать возникновение ее замысла только с указанными выступлениями Федора Сологуба, О. Дымова, Б. Ропшина и др. Мысль о создании такого произведения родилась у Горького значительно раньше этих выступлений.

Еще в апреле 1907 г. он писал И. П. Ладыжникову с Капри: «Здесь много русских писателей – Вересаев, Айзман, Леонид «Андреев», – это мрачные люди, они сидят, нахмутив лбы, и молча думают о тщете всего земного и ничтожестве человека, говорят же они о покойниках, кладбищах, о зубной боли, насморке, о бестактности социалистов и прочих вещах, понижающих температуру воздуха, тела, души» (Архив Ггп, стр. 159).

В письме Горького Л. Андрееву от 12 (25) августа 1907 г. содержится резкая характеристика Сологуба: «Старый кокет Сологуб, влюбленный в смерть, как лакеи влюбляются в барынь своих, и заигрывающий с нею, всегда с тревожным ожиданием получить от нее щелчок по черепу» (Лит Наел, т. 72, стр. 287).

Для Горького проповедь смерти в литературе была одним из отличительных признаков мещанина, испугавшегося размаха революционной борьбы и спрятавшегося в узкий личный мирок. Эта мысль отчетливо выражена в статье «Разрушение личности» (1908), где впервые появился образ Смертяшкина (см.: Г-30, т. 24, стр. 70).

О некоей «модерн-девице», послужившей одним из прототипов Нимфодоры Заваяшкиной, Горький сообщил А. С. Черемнову в августе – сентябре 1912 г.: «...девица надела неотразимо прозрачную кофту и всё прочее; приходит куда-нибудь, садится на собственную ногу и всех убеждает, что смерть совершенно неизбежна. Душится какими-то кладбищенскими духами и цитирует в доказательство этого неизвестных поэтов на двух языках, не считая русского» (Архив ГУИ, стр. 111). В образе Нимфодоры угадываются гротескно заостренные черты писательниц – З. Н. Гиппиус, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, А. Н. Чеботаревской (жены Сологуба). В 1911 г. вышла книга «О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки». Ее составительница Анастасия Чеботаревская включила в сборник только положительные

отзывы о творчестве своего мужа. Горький тогда же писал В. Львову-Рогачевскому: «Что Вам за охота писать о Сологубах и прочих „живых трупах“, „мертвых душах“? Они и сами про себя напишут, а если не хватит времени – жен попросят» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-24-5-12).

Непосредственная работа над сказкой относится, вероятно, ко второй половине сентября – началу октября 1912 г. 17(30) августа Ладыжников сообщил Горькому: «С Сытиным я говорил. Он очень просит Вас писать для „Русского слова“. Будет помещено всё, что Вы пришлете» (там же, КГ-п-42-1-4). Горький ответил И (24) сентября: «„Русскому слову“ я дам фельетон в конце сентября, когда выйдет книжка „Современного мира“ с „Русскими сказками“. Было бы хорошо, если бы Сытин или Благов написали точно, каковы их условия?» (Архив ГУ11, стр. 202). [60]

19 октября (1 ноября) Горький сообщил Ладыжникову, что «фельетон» о Смертяшкине готов. Он писал: «...могу сейчас же прислать беллетристический очерк со стихами „Смертяшкин“ – в жанре русских сказок». Но только 22 ноября (5 декабря) сказка была отправлена Ладыжникову (см. там же, стр. 210). Узнав, что Ладыжников собирается в Берлин, Горький в следующем письме напомнил: «Третьего дня послал Вам в Питер рукопись фельетона для „Русского слова“...» (там же, стр. 211).

Ладыжников ответил Горькому из Берлина 29 ноября (12 декабря): «Рукопись о „Смертяшкине“ я получил в Петербурге перед отъездом сюда и тотчас же отправил ее вместе со своим письмом Сытину в Москву» (Архив А. М. Горького, КГ-и-42-1-11). 16 (29) декабря 1912 г. сказка о Смертяшкине появилась в газете «Русское слово».

Горький был заинтересован в том, чтобы сказка стала известна не только в буржуазно-либеральных кругах, где ее старались обойти молчанием. В ответ на просьбу А. Н. Тихонова дать материал для газеты «Правда» он писал 19 декабря 1912 г. (1 января 1913 г.): «Предлагаю Вам перепечатать из „Русского слова“ „Сказку“ о Смертяшкине...» (Г Чтения, 1959, стр. 27). И несколько дней спустя – ему же: «Вот, – перепечатайте в „Правде“ эту сказку, – веселая» (там же, стр. 28). 31 декабря (13 января) Тихонов ответил: «Перепечатывать сказки из „Русского слова“ неудобно: уж очень они всем известны» (там же, стр. 79).

Текст сказки Горький правил после первой публикации. Сохранилась переписка Горького с сотрудничавшим в «Русском слове» писателем И. М. Касаткиным. В конце января – начале февраля 1915 г. Горький обратился к Касаткину с просьбой: «Весною 13-го года в „Русском слове“ был напечатан мой фельетон „Смертяшкин“, мне очень нужна эта вещь, черновика у меня нет, и я прошу Вас: будьте любезны, закажите напечатать этот фельетон на машинке в двух экземплярах...» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-18-59-26). Касаткин ответил в начале февраля 1915 г.: «Заказной бандеролью посылаю 2 экземпляра Вашей вещи. Напечатана она не весной 13-го года, а 16 декабря 12-го года. И заглавие – иное» (там же, КГ-п-34-16-29). Получив машинопись, Горький отозвался 12–13 февраля 1915 г.: «Сердечно благодарю Вас за то, что нашли и прислали „Смертяшкина“!» (там же, ПГ-рл-18-59-25).

Горький выправил эту машинопись (ХПГ-45-6-2), по-видимому, намереваясь включить весь цикл «Русских сказок» в ЖЗ. Правка касалась большей частью характеристики общественно-политических явлений в стране, заостряла сатирическую направленность основных образов, усиливала разоблачительное значение сказки. По сути дела эта машинопись зафиксировала последний этап творческой работы автора над текстом сказки (готовя Л2 и К, Горький не сделал существенных изменений в тексте).

Таким образом, из задуманного Горьким второго цикла «Русских сказок» в 1912 г. были написаны только три – о советнике Ономе, «мудрейших жителях» и поэте Смертяшкине. Однако в Архиве А. М. Горького сохранилось несколько черновых набросков, тематически связанных с «Русскими сказками»: один из них примыкает к сказке VI:

«Один веселый мужик глядел-глядел на окружающее и – сочинил песню:

Россия, Россия, бедная страна,
Горькая, грустная участь твоя!
Сочинил и – поет, бездельник.

Прислушалось начальство, привлекло и спрашивает:

– Это почему?

А мужик, оправляя волосья, изъясняет:

– Погода, ваше благородие, беззаконна очень у пас: то – дожди, то – вовсе нет дождей...

– В этом случае, дурак, надобно богу молиться, а не песни петь...

Пошел мужик в свою труппу, научился богу молиться по псалтырю, бормочет:

– Услыши, боже, глас мой, всегда молитимся к тебе, от страха вражия изми душу мою...

Услыхало начальство – опять привлекло:

– Это как?

– Приказано, чтобы молиться, пу я и...

– А какой такой страх?...

– Вообще...

– А чем он тебе мешает?

– Страх-от? Живем в труппе, лешие там, конечно, и всякая нечистая сила...

Ударил по шее и советует:

– Леших – нет, а страх надобно чувствовать только пред начальством...

– Ну ладно, – согласился мужик...

И так как делать ему было нечего, стал частушки выдумывать – выдумает и орет:

Живи – не тужи,

Туже брюхо подвяжи,

[Учись, паря, смолоду,

Как подохнуть с голоду...]

Привлекли за волосья, осведомляются:

– Это что за сатиры?»

(«Литературная газета», 1970, № 37, 9 сентября).

Можно предположить, что набросок является черновиком неоконченной сказки, которая должна была следовать за шестой.

Другой черновой набросок озаглавлен «Три дурака. Огонь. Смерть. Зачем»:

«– И ваше начальство ничего не понимает, и наше ничего не понимает, надобно бы нам самим, братишка, понимать чего-нибудь.

– Давно пора, дядя!

– Ну, ступай. А то тебя пристрелят или повесят.

– Тебе что <?>

– Ничего. Только – жаль все-таки. Шея у тебя для виселицы тонка – ты себе иди шею нагуляй»

(Архив ГХ11, стр. 58–59).

Возможно, этот замысел связан со сказками, написанными в 1916–1917 гг. Близок к ним также набросок «Случай с Мишей» (см. варианты).

Еще об одном замысле сказки можно судить по письму Горького киевскому фельетонисту Н. Иванову. В 1912 г. Горький уговаривал его сотрудничать в реформируемом журнале «Современник» и предложил тему, родившуюся, по-видимому, в процессе работы над «Русскими сказками»: «Житель, которого с кашей сожрали, – это очень хорошая тема. А вот не улыбнется ли Вам положение инородцев на Руси? Состряпать бы эдакую дружескую беседу еврея, татарина, финна, армянина и т. д. Сидят где-нибудь, куда заботливо посажены, и состязаются друг с другом, исчисляя, кто сколько обид понес на своем веку. А русский слушает и молчит. Долго молчал, всё выслушал, молвил некое слово – да завязнет оно в памяти на все годы, пока длится эта наша безурядица и бестолочь» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-17-4-2; см. также: Г, Материалы, т. I, стр. 279).

Частично эта идея была использована Горьким в сказке V, но полностью ее замысел не развернулся – вероятно, по цензурным условиям.

К работе над вторым циклом «Русских сказок» Горький вернулся в 1916 г. А. Д. Демидов, вспоминая о встречах с ним в редакции журнала «Летопись», писал: «...как много ему приходилось пропускать через свою голову других рукописей, и в то же время он усиленно писал сам известные его „сказки“ по поводу войны...» (Демидов А. А. Из встреч с Максимом Горьким. (Воспоминания). – Архив А. М. Горького, МОГ-4-5-1),

Речь, видимо, идет о сказках XIII и XIV, которые могли быть написаны в 1916 г. Писатель попытался тогда же опубликовать одну из них. В Архиве А. М. Горького хранится следующее письмо редактора журнала «Новый колос» Н. П. Огановского от 15 (28) марта 1916 г.: «Премного благодарны Вам за статью и прелестную сказочку. Статья пойдет в следующем же номере, [61] что же касается сказки, то у нас возникли сомнения насчет ее цензурности – мы подвергнем этот вопрос обсуждению в редакционном комитете» (Архив А. М. Горького, КГ-п-55-1-2). В журнале сказка не появилась.

Следующая по времени создания сказка – XII – написана в конце февраля 1917 г. Публикуя произведение в первом номере, газета «Свободные мысли» поместила следующее примечание от редакции: «Сказка написана М. Горьким для „Журнала журналов“ за два дня до революции и запрещена цензурой уже в те дни, когда все „точки над і“ были поставлены и революционный парод овладевал Петроградом» («Свободные мысли», 1917, № 1, 7 марта).

Последние сказки – XV и XVI – отразившие положение в России после победы февральской революции в том виде, как оно представлялось тогда писателю, созданы, по-видимому, в конце июня – начале июля 1917 г. Немного раньше Горький перепечатал сказки XIII и XIV в журнале «Свободный солдат» (1917, № 1, стр. 10–11), сделав ряд небольших изменений в их тексте.

Осенью 1917 г. Горький собрал все сказки воедино и передал их издательству Ладыжникова, где они вышли отдельной книгой в том же году. В основу издания легли десять «Русских сказок», выпущенных Ладыжниковым в 1912 г., и машинопись (либо первопечатный текст) сказок III и XII–XVI. Сказка III печаталась по «Русскому слову»: правка Горького, сделанная в 1915 г., осталась неучтенной. В издании ЛГ она помещена под номером XI.

Последний этап авторской работы над «Русскими сказками» относится к 1923 г., когда Горький готовил их по тексту ЛГ для собрания сочинений К. Правка на этот раз была незначительной и носила главным образом стилистический характер. В этом издании Горький переместил сказку о Смертяшкине, сделав ее третьей.

Писатель неоднократно переиздавал «Русские сказки», но заново переработал только одну из них – VII. В 1932–1933 годах был задуман сборник рассказов и статей о евреях, куда вошла эта сказка Горького. Сохранились гранки сборника (издание не осуществилось) с незначительными авторскими поправками (ХПГ-42-16-5).

В 1935 г. Горький вновь обратился к сказке VII, в связи с тем, что у редакции журнала «Колхозник» возникла мысль сделать один из очередных номеров тематическим, посвятив его еврейскому вопросу в дореволюционной России. Для этого номера Горький заново отредактировал свой рассказ «Погром» (1901) и VII сказку. В Архиве А. М. Горького хранятся две машинописи с авторской правкой, посланные им в редакцию «Колхозника». Но сказка в журнале не была опубликована.

Возможно, она показалась трудноватой для восприятия читателей «Колхозника»: расшифровка многочисленных намеков требовала специального комментария. 20 марта 1935 г. В. Я. Забурин сообщил Горькому: «Из материалов о еврейских погромах, по-моему, следует пустить только Ваш рассказ» (Архив Гх, кн. 2, стр. 413).

В первом цикле «Русских сказок» (1912) изображена российская действительность периода столыпинской реакции.

Обращаясь к злободневной сатире как «новому для себя жанру», Горький, по его собственным словам, преследовал «социально-педагогическую цель» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-21-7-1). Впоследствии писатель подчеркнул, что в литературном плане его сказки связаны с сатирическими традициями М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. письмо Горького Н. В. Яковлеву от 30 сентября 1934 г. – Г-30, т. 30, стр. 360). «В паши дни, – говорил Горький в 1909 г. слушателям Каприйской партийной школы, – Щедрин ожил весь, и нет почти ни одной его злой мысли, которая не могла бы найти оправдания в переживаемом моменте. Вновь воскресли Молчалины и Хлестаковы, Митрофанушки – заседают в Государственной думе, а ренегатов – еще больше, чем в 80-х годах» (Архив Г1У стр. 274). Тогда же он писал С. Я. Елпатьевскому: «Щедрина надо бы нам в эти шальные дни».

Сатира представлялась Горькому одним из наиболее действенных средств борьбы с реакцией. «От вас, из России, – писал он Н. А. и Т. В. Румянцевым, – веет такой тяжелой грустью, таким мраком и общей растерянностью, что поставил я себе цель – да будет вам от меня весело! Так и ждите!» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-37-29-13).

Воскрешая традиции революционно-демократической сатиры XIX в., Горький тесно соприкасался с большевистской прессой, которая именно в этот период начала широкую пропаганду наследия Салтыкова-Щедрина. В. И. Ленин писал в 1912 г.: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в „Правде“ Щедрина...» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 48, стр. 89; см. также т. 22, стр. 84–85).

В «Русских сказках» Горький изобразил тех, кто осуществлял политику насильственного успокоения России. Таковы правитель Игемон, в образе которого угадываются черты премьер-министра П. А. Столыпина; наемный «усмиритель» Оронтий Стрвенко; губернатор фон дер Пест; полицейский пристав фон Юденфрессер, что в переводе с немецкого означает «пожиратель евреев»; сановный министр из сказки I, чей облик явно напоминает реакционного министра просвещения Л. А. Кассо. В образе «фуэгийца» Оронтия Стрвенко Горький дал обобщенный сатирический портрет озверевших «усмирителей» России (А. А. Рейнбот, Д. Ф. Трепов, Ф. В. Дубасов, И. Н. Толмачев и др.).

Изображению многоликого врага демократии посвящено большинство «Русских сказок» (I–VIII, X–XII). Некоторые из них отражают борьбу Горького с реакционными философскими течениями, в том числе с проповедью «самоусовершенствования» и толстовской идеей «непротивления злу насилием». В статье «О прозе» Горький заметил, что «в классовом обществе любить „вообще человека“ – невозможно, ибо это привело бы к „непротивлению злу“ и – далее – ко всемирной вшивости, как сказано в одной из „Русских сказок“...» (Г-30, т. 26, стр. 392).

Горьковский житель из сказки X, который пытался одолеть зло терпением и видел зло «в сопротивлении оному», – блестящая пародия на веховцев и толстовцев. Можно предположить, что одним из прототипов этого образа был писатель Иван Наживин, книга которого «Моя исповедь» вышла в 1912 г. критикуя ее, Горький писал в цикле статей «Издаю»: «В чем задача жизни по Наживину? Очистить душу от „временного“, приблизить ее к „вечному“, „а потом душа будет безмолвно даже очищать и освещать других“, – как учил Л. Н. Толстой. „В борьбе обретишь ты свое право“ – „нет! – кричит Наживин, – борьба есть лучшее средство не обрести, а потерять свое право и право другого...“; „Только не борись, – учит он, – только уйди из этой злой сутолоки страстей человеческих...“» (Г, Статьи, стр. 128–129).

Комические фигуры «мудрейших жителей», углубившихся в созидание «нового человека», Горький рисует в сказке XI. В «мудрейших» угадываются идеологи веховства: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, П. Б. Струве и др. [62]

Сатирический портрет одного из «мудрейших» Горький дал в сказке V. Барин, который старательно искал свое «национальное лицо», многими чертами напоминает П. Б. Струве. В 1911 г. вышел сборник его статей «Patriotica». Отстаивая идею «Великой России». Струве по существу солидаризировался с премьер-министром П. А. Столыпиным, который сказал о революционерах: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» («Государственная дума». Стенографический отчет. Сессия II, заседание 36, 10 мая 1907 г.).

На практике идея «Великой России» означала защиту империализма, великодержавный шовинизм и угнетение «малых наций». В письме к редактору «Запросов жизни» Р. М. Бланку в июне 1912 г. Горький заметил: «Особенно пугает и тяготит несомненный рост ветшания к проповеди зоологического национализма, к идее „Великой России“ – пагубнейшая идея <...> Надобно возможно чаще и понятнее говорить о грозном для России международном положении ее, о тех несчастьях, коими эта позиция грозит народу» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-4-18-3).

Высмеивая лозунг «Великой России», Горький в сказке V подверг критике позицию кадетов в спорах по национальному вопросу. Здесь есть намеки на политическую и литературную карьеру Струве: «и социалистом был, и молодежь возмущал, а потом ото всего отрекся...» (см. реальный комментарий к стр. 192). Однако значение сатирического образа «барина» неизмеримо выше. Это образ националиста, идеолога российского империализма, вобравший в себя конкретные черты многих кадетских и октябристских деятелей тех лет.

Многие сказки Горького разоблачали вдохновителей реакции на идеологическом фронте. Еще весной 1910 г. Горький писал Л. А. Никифоровой: «Страна наша состоит сплошь из несчастных Ванек, не помнящих родства, не чувствующих своей связи с родиной, с миром и людьми. Именует ли себя оный Ванька Петром Струве или Федором Сологубом – всё едино – в существе его нет двух основных человеческих свойств: любви к жизни, уважения к самому себе. Он всю жизнь возится с неким мыльным пузырем, своим „я“, надувается, пыжится, хочет создать из своей пустоты „неповторяемую, единственную индивидуальность“ и – создает жалчайшее нечто <...> Боязливо играя в прятки с жизнью, он холопски преклоняется перед нею, когда она его находит...» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-28-4-13). Боязнь жизни, проповедь пессимизма приобрели в годы столыпинской реакции большое распространение. Типические особенности проповедника такого рода «философии» запечатлены в гротескном образе Смертяшкина.

Впоследствии Горький признавался: «Вероятно, когда я писал Смертяшкина, то „в числе драки“ имел в виду и пессимизм Сологуба. Не отрицаю, что издание Чеботаревской книги только положительных рецензий о Ф<едоре> К<узьмиче> очень развеселило меня» (Г-30, т. 30, стр. 275).

В сказке III Горький пародирует художественную манеру Ф. Сологуба, его тяжеловато-«возвышенные» периоды, воспевающие вечность, космос и смерть (см., например, рассказ Сологуба «Алая лента», напечатанный в «Биржевых ведомостях», 1912, № 12768, 3 февраля).

Однако, создавая образ Смертяшкина, Горький стремился к широкому художественному обобщению. В той же сказке пародируются стихи З. Гиппиус «О, ночному часу не верьте!» и другие произведения «кладбищенской» литературы. Поэтому, когда Ф. Сологуб узнал в сказке III себя и свою жену, Горький с ним не согласился. 18 (31) декабря 1912 г. Ф. Сологуб направил Горькому письмо, в котором говорилось:

«Алексей Максимович, Вы, как искренний и большой человек, не станете отрицать, что Ваша „сказка“, помещенная в „Русском слове“ 16 декабря, метит в меня. Если бы это было только против меня, я и не возражал бы. Но Вы захотели говорить и о жене Смертяшкина <...> Я не понимаю, зачем Вы это сделали?» (Архив А. М. Горького, КГ-п-73-8-1; см. также: Г, Материалы, т. I, стр. 198).

Горький ответил 23 декабря 1912 г. (5 января 1913 г.): «Милостивый государь! Я очень удивлен письмом Вашим: какие основания имеете Вы полагать, что фельетон мой о Смертяшкине „метит“ именно в Вас?»

Считая меня „искренним человеком“, Вы должны верить, что если б я хотел сказать Вам: „Да, Смертяшкин – это Вы, Ф. Сологуб“. – я бы это сказал. Я отношусь отрицательно к идеям, которые Вы проповедуете, но у меня есть известное чувство почтения к Вам, как поэту; я считаю Вашу книгу „Пламенный круг“ образцовой но

форме и часто рекомендую ее начинающим писать, как глубоко поучительную с этой стороны. Уже одно это делает невозможным знак равенства Смертяшкин = Сологуб. Разницу в моем отношении к Вам и, например, Арцыбашеву Вы могли бы усмотреть в моей заметке о самоубийствах – „Запр<осы> жизни“, № 27-й.

Прочитав мой фельетон более спокойно, Вы, вероятно, поняли бы, что Смертяшкин – это тот безымянный, но страшный человек, который всё, – в том числе и Ваши идеи, даже Ваши слова, – опрощает, тащит на улицу, пачкает и которому, в сущности – всё, кроме сытости, одинаково чуждо.

Вышесказанное, надеюсь, позволяет мне обойти молчанием Ваши совершенно нелепые обвинения в том, что я „оклеветал женщину“ и питаю какую-то злобу к Вашей супруге <...> Я могу объяснить Ваше письмо только так: вероятно, нашлись „догадливые толкователи“ и немножко побрызгали в Вашу сторону грязной слюною <...> Мне трудно предстать, чтоб Вы сами, изнутри, без толчков извне, отождествили себя со Смертяшкиным» (Г-30, т. 29, стр. 289–290).

В ответном письме 28 декабря (10 января) Сологуб писал Горькому: «Само собою разумеется, что я принимаю с совершенным доверием Ваши объяснения того, что Вы имели в виду сказать Вашею „сказкою“ <...> Но Вы напрасно удивляетесь тому, что русский писатель способен отождествлять себя с героями сатирических и юмористических рассказов: в России не принято очень ласково обращаться с писателями, и мы привыкли ко многому» (Архив А. М. Горького, КГ-п-73-8-2).

В том же письме Сологуб отрицал факт существования у него «догадливых толкователей». «Весьма обрадован Вашим письмом, – отозвался Горький, – а особенно Вашим заявлением, что „догадливых толкователей“ – нет <...> Мне приятно, что это печальное недоразумение окончилось без шума» (там же, ПГ-рл-40-15-2). [63]

Собираемый сатирический образ Смертяшкина действительно нельзя считать личным выпадом против Сологуба и Чеботаревской. В сказке пародируются стихи Ф. Сологуба, З. Гиппиус и Вяч. Иванова, а также высмеиваются статьи критиков-декадентов о творчестве Сологуба. Говоря о «поэзах» Смертяшкина, Горький намокает на изысканно-претенциозные стихи И. Северянина. Описывая убранство стильной квартиры Смертяшкина, высмеивает быт многих интеллигентских семей.

Сатира Горького направлена не только против российского декаданса. Еще в статье «Поль Верлен и декаденты» (1896) Горький саркастически описывал повальное увлечение «культом смерти» во Франции, где действовал «Кабачок смерти». Его посетители смаковали мистические идеи, «сидя в гробах, заменяющих столы, и попивая вино из черепов, играющих роль бокалов» (Г-30, т. 23, стр. 129).

«Русские сказки», созданные в 1911–1912 годах, едины по своей философской и идейной концепции: они разоблачают политическую и общественную реакцию во всех ее проявлениях (политика – идеология – литература – быт).

Второй цикл составляют сказки, большинство которых написано в 1916–1917 годах. Их объединяют темы: война, проблема русского национального характера, судьбы России, народ – интеллигенция – революция. О настроениях Горького в период создания этих сказок можно судить по его письмам к Е. П. Пешковой. 1(14) марта 1917 г. он писал: «Происходят события внешне грандиозные, порою даже трогательные, но – смысл их не так глубок и величественен, как это кажется всем. Я исполнен скептицизма <...> Много нелепого, больше, чем грандиозного». В письме от 11 (24) марта того же года: «Сколько смешного вокруг! Сколько глупости и пошлости!» (там же, стр. 195).

Горький не преувеличивал значения февральской буржуазно-демократической революции в России но в то же время, недооценивая силы пролетариата, он с тревогой следил за ростом обывательских настроений, его пугал анархизм несознательных слоев крестьянства. Всё это отразилось в последних сказках, придав раздумьям Горького о национальном характере русского народа некоторую односторонность.

Тем не менее в сказках велика разоблачительная сила сатиры, направленной против буржуазии и либеральной интеллигенции. В сказке XII высмеивается Государственная дума и пустая игра либеральных партий в законодательство. Сказка XIII дает

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сатирическое изображение империалистической войны между русскими (Кузьмичи) и немцами (Лукичи).

В сказке XIV отразились мысли Горького о русском народе, его национальном характере. Она исполнена глубокой любви писателя к своему народу, продиктована желанием побудить его к активному протесту против войны. Видимо, сказка была создана в тот период, о котором Горький писал Касаткину: «Я хожу по всей длине общественной лестницы от рабочих – снизу до графья и князя – наверху. Внизу – поярче, вверху – помертвев, но каких-либо душерадостных впечатлений – не испытываю. Приходится самому создавать их. Стараемся» (цит. по кн.: Овчаренко, стр. 344).

Сложнее по идейной концепции сказка XV, в которой высмеивается дремучая российская обывательщина, «проживающая» в Мямлине, Дремове и Воргороде. Освобожденный от нечистой силы (царизма) солдатом (Февральская революция), герой сказки Микешка «шлендает по улицам день и ночь <...> фордыбачит, хвастается, – шапка набекрень, мозги – тоже». Было бы неверно видеть в этом образе пародию на русский народ. В одной из статей цикла «Издаleка» Горький заметил: «Схватив <...> мысли Достоевского, не задумываясь, чем они вызваны у него, наши русские бездельники прикрывают ими свое неумение жить, нежелание работать и, хвастаясь своим великим назначением проводить в мир начала „всечеловеческого единения, братской любви“, орут на всю улицу: „Всё или ничего! Гармонии мировой, или я не приемлю мира!“» (Г, Статьи, стр. 131–132). И, высмеивая Микешку, Горький критиковал «крикливый, а потому оглушающий молодое поколение, заразный нигилизм» (там же, стр. 132).

Последняя сказка цикла написана накануне Октябрьской революции – в момент, наиболее сложный в политическом отношении (конец июня – начало июля 1917 г.). Она рисует Россию (баба Матрена), освобожденную от царизма (дядя Никита с разной челядью), разочаровавшуюся в буржуазной революции, но, как казалось Горькому, не имевшую необходимых объективных предпосылок, чтобы «перейти на следующую стадию культуры» (социалистическая революция). В сказке есть намеки на «двоевластие», на попытки лишить рабочих их революционных завоеваний, на стремление Керенского и других деятелей установить в стране военную диктатуру. Хотя «герой» и «спас» Россию, он не изменил жизни народа: «воры – воруют, купцы – торгуют, всё идет по-старому, как в дядины времена...»

«Русские сказки» вызвали немногочисленные, но характерные отклики в печати. Большинство реакционных, буржуазных и либерально-буржуазных критиков попытались «убить» их молчанием. Те же из них, кто счел необходимым откликнуться, снова стали твердить о падении таланта Горького.

«„Сказки“ не представляют явления значительного, – заявлял не назвавший себя рецензент на страницах „Биржевых ведомостей“. – Соседство Салтыкова для Горького трагично. Если что удалось ему, то только отдельные меткие выражения, не лишённые юмора» («Биржевые ведомости», 1912, № 13181, 6 октября).

На страницах полицейско-черносотенной газеты «Россия» неистовствовал А. Б-н, задетый сказкой о двух жуликах. Верно уловив своим классовым инстинктом связь «Русских сказок» с идеологией русской социал-демократии, критик предпринял попытку возродить старую выдумку буржуазно-декадентских литераторов о «конце Горького»: «„Сказки“ г. Горького – упражнение в политической сатире, достаточно ярко говорящее о полном оскудении горьковского таланта» («Россия», 1912, № 2119, 20 октября).

Чтобы умалить значение «Русских сказок», многие критики, но стесняясь, перетолковывали замысел Горького, уверяя, например, что сказка о двух жуликах всего лишь «бичует мерзость современного практицизма, сделавшего предметом торговли те явления жизни, которым, казалось бы, следовало быть охраною порядочности» («Биржевые ведомости», 1912, № 13181, 6 октября). Сказку X о советнике Ономе, ядовито высмеивающую черносотенцев, та же газета трактовала как произведение «на довольно общую тему о том, как в жизни всегда, а сейчас в особенности, преуспевают пошляк и нахал», хотя выше критик уверял, что все сказки Горького «имеют политический характер, некоторые бьют в гнусно-практическое настроение века» (там же).

По тому же «принципу» построена рецензия А. А. Измайлова в журнале «Новое

Русские сказки. Максим Горький gorkiy.maksim.ru слово». Признавая родство сатиры Горького и Салтыкова-Щедрина, он отметил политический характер сказок-аллегорий: «Горький делает здесь вылазки против лжепатриотов, черносотенцев, гонителей национальности, современных спекулянтов, промышленящих торговлей убеждениями и мыслью» («Новое слово», 1912, № 11, стр. 128). Но приведя текст наиболее безобидной сказки Горького о поэте и кнуте, Измайлов сделал неожиданный вывод: «Сказки просто не удалась Горькому. Их юмор груб и натянут, мысль примитивна, задор не выше того, каким нас угощали сатирические „красные“ журналы недавней поры» (там же).

К мнению названных критиков присоединился Иванов-Разумник, заявив в годовом обзоре: «...без успеха прошли неудачные „Сказки“ М. Горького» (приложение к газете «Русские ведомости», 1913, IV» 1, 1 января, стр. 56).

Злобными выпадами против Горького реакционная и либерально-буржуазная критика, а также интеллигентные обыватели встретили сказку о Смертяшкине. В Архиве А. М. Горького хранится анонимный пасквиль с частями текста сказки, вырезанными из газеты «Русское слово». Текст снабжен рукописными «комментариями». Наверху надпись: «По поводу глупого и бессмысленно оскорбляющего слух читателя рассказа „Сказка“». В текст вкраплены негодующие восклицания, обращенные к Горькому: «Простой булочник», «булочник Максим», «пек бы только баранки, а не писал бы глупости в стихах...» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-40-15-1).

Лишь очень немногие критики из буржуазных газет решились объективно оценить «Русские сказки». Одни из них, И. Н. Игнатов, в статье «Литературные отголоски» отдал должное «Русским сказкам» Горького как «умным, нравоучительным, пропитанным тенденцией» («Русские ведомости», 1912, № 98, 23 апреля). Сочувственно отозвались «Одесские новости»: «Украшением девятой книжки „Современного мира“, которая выйдет 20 сентября, несомненно, явятся „Сказки“ Максима Горького, затрагивающего в них в иносказательной форме все больные вопросы русской жизни». Газета признавала, что сказки Горького написаны «в чисто щедринском духе» («Одесские новости», 1912, № 8812, 1 сентября).

В первые годы Советской власти появились две рецензии на «Русские сказки», выпущенные издательством «Парус» (1918).

Критик, выступивший под псевдонимом «Имярек», сравнивая сказки Горького с произведениями А. Амфитеатрова, В. Дорошевича и Ф. Сологуба, пришел к заключению: «Сказки Горького ближе других народу по своему содержанию, так как проникнуты духом глубокой демократичности» («Рабоче-крестьянский нижегородский листок», 1918, № 207, 21 сентября). Отмстив, что сказки написаны великолепным языком, критик особо выделил последнюю сказку – XVI.

Вторая рецензия подписана псевдонимом Дм. В ней дан более подробный анализ книги. Критик писал: «Политические сказки – фельетоны Горького, созданные им большей частью в эпоху безвременья, в годы гнетущего царского режима. Необходимость тогда выражать свои мысли, делать жгучие обличения, которых просила душа, эзоповским нарочито темным языком напоминает в данном случае притчи и басни Салтыкова-Щедрина, интересные теперь главным образом с исторической точки зрения». Критик остановился на последних сказках Горького, из которых, по его мнению, «особенно блещут печатью подлинного мощного таланта» три – о Лукичах и Кузьмичах (XIII), о Ваньке (XIV) и о Микешке (XV). Микешка – это, по определению критика, русский обыватель, стосковавшийся «сейчас же после своего освобождения от нечистой силы (старого режима) по городовому» («К свету». Самара, 1919, № 1–2, стр. 24).

Примечания

1

Образ пародии по отношению к нескольким стихотворениям Ф. Сологуба: «В недосыгаемом чертоге», «Злая ведьма чашу яда», «Безжизненный чертог» и т. п.

2

К 1912 г. «беспартийный прогрессизм» вошел в «моду» среди буржуазной интеллигенции. Многие вновь возникавшие издания («День», «Русская молва», «Голос земли», «Газета чиновника», журнал «Запросы жизни») объявляли себя «беспартийными и прогрессивными органами». Большевицкая «Звезда» неоднократно высмеивала беспринципность «беспартийных чудачков». В статье «Либерализм и демократия» Ленин заметил: «Попытки или потуги обнять разные классы „одной

Русские сказки. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
партией" свойственны как раз буржуазному демократизму...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 243).

3

Сатирический намек на зависимость от буржуазного «денежного мешка» многих органов печати, издававшихся в начале XX века. В частности, имеются в виду меценаты П. П. Рябушинский и С. И. Мамонтов, на средства которых издавались журналы «Золотое руно» и «Мир искусства».

4

Комический эффект создается сочетанием несоединимых образов: аргонавты – герои древнегреческого эпоса, отправившиеся в трудное и опасное путешествие; Герострат – честолюбец, пожелавший оставить о себе намять в веках сожжением единственного в своем роде великолепного храма Артемиды Эфесской (356 г. до н. э.).

5

Церковь Николая Чудотворца в Москве у Красного пруда: название Тычок произошло от старинного питейного дома, находившегося тут же.

6

Какой шик! (Франц.).

7

Очаровательно! (Франц.).

8

Горький высмеивал стиль панегирических статей о Ф. Сологубе, и частности, статьи С. Городецкого «На светлом пути», А. Измайлова «Чарования красных вымыслов», А. Белого «Истлевающие личины». Так, А. Белый писал: «Он певец смерти: но он поспевает смерть всею нежностью молитвы, всем жаром страсти; он говорит о смерти, как страстно влюбленный о возлюбленной» (сб. «О Федоре Сологубе. Критика. Статьи В заметки». СПб., 1911, стр. 96).

9

Имеется в виду учение итальянского психиатра Чезаре Ломброзо (1835–1909) (см.: Ч. Ломброзо. Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными. СПб., изд. Ф. Павленкова, 1892). Идеи Ломброзо, направленные к дискредитации человеческого разума, пользовались популярностью среди декадентов.

10

Калло Жак (1592–1635) – французский гравер и рисовальщик. Наибольшей известностью в России начала XX в. пользовались две серии его картин «Бедствия войны».

11

Вюртц – вероятно, немецкий художник Германн Вюрц (Würz) (1836–1899).

12

См. в стихотворении Ф. Сологуба «Венком из руты увенчали...» – «И смерть бесстрастно я прославлю» (Собр. соч. Ф. Сологуба, т. V. СПб., 1910, стр. 159).

13

В. П. Коковцев (1853–1943) – реакционный государственный деятель, с 1904 по 1914 г. – министр финансов, с 1911 г. – одновременно председатель совета министров.

14

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Перефразировка библейского текста: «Возвращается ветер на круги своя» (Книга Екклесиаста, гл. 1, стих 6).

15

«Да воскреснет бог и расточатся врази его...» – начало торжественного песнопения, совершаемого в день «воскресения» Христа (Псалтырь, псалом 67, стих 2).

16

Имеется в виду ренегатство буржуазных интеллигентов типа П. Б. Струве (1870–1944), совершившего, по словам Горького, эволюцию «от Герцена к Каткову» (Архив ГГК, стр. 135). В феврале 1912 г. Горький писал В. Львову-Рогачевскому: «Следите Вы за „Русской мыслью“ и деяниями Струве? Воистину этот человек – лакей за совесть, и бездарен он, как лакей» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-24-5-9).

17

В статье «Интеллигенция и национальное лицо» Струве нападал на интернационализм русской социал-демократии, противопоставляя ему национализм и великодержавный шовинизм. Горький пародирует следующее высказывание Струве: «В тяжелых испытаниях последних лет вырастает наше национальное русское чувство, оно преобразилось, усложнилось и утончилось, но в то же время возмужало и окрепло. Не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо» («Слово», 1909, № 732, 10 марта).

18

Горький иронизирует по поводу отношения веховцев к революционным и демократическим традициям русской поэзии XIX в. В феврале 1912 г. он писал Львову-Рогачевскому о кадетском деятеле Ф. И. Родичеве: «Отношение Родичева к Некрасову – это вполне в линии современного стремления к перекраске старых ярких репутаций в новые серенькие – или даже черные цвета» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-24-5-9).

19

Из стихотворения Н. А. Некрасова «В больнице» (1855).

20

Искаженное грузинское: «Пожалей дом мингрельца!».

21

Украинская народная песня. Известна в нескольких вариантах (см.: П. А. Лукашевич. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836, стр. 80; Б. Д. Гринченко. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях, т. III. Чернигов, 1899, стр. 634–635).

22

Горький критикует мысль Струве о необходимости «завоевательного национализма», предполагающего насильственное «приобщение к русской культуре» всех национальностей (см. «Patriotica», стр. 301–303).

23

Habeas-Corpus-Act, основы английской конституции (1679).

24

Строки «На святой Руси петухи кричат...», вероятно, принадлежат поэту и переводчику Н. В. Бергу (1823–1884) (см. об этом: В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 3. М., 1954, стр. 58, 456, а также очерк Горького «В. Г. Короленко» в т. XVI наст. изд.).

25

В 23 псалме Давида: «Господня земля и что наполняет ее, вселенная и всё живущее в ней» (Псалтырь, псалом 23, гл. 1).

26

«Не о хлебе едином...» – цитата из Библии: «Не хлебом одним живет человек, но всяким словом, исходящим из уст божиих» (Пятая книга Моисеева, Второзаконие, гл. 8, стих 3; Евангелие от Матфея, гл. 4, стих 4).

27

Летом 1909 г. была организована поездка членов Государственной думы и Государственного совета в Англию и Францию. В составе делегации были октябристы и кадеты, на многочисленных приемах всячески восхвалявшие русскую «конституцию». 10 июня на торжественном обеде премьер-министр Англии Асквит произнес речь, приветствуя сооружение «русского конституционного здания» («Биржевые ведомости», 1909, № 11151, 11 июня). Горький высмеивает неумеренные восторги буржуазной прессы по поводу результатов поездки в Англию. По словам председателя Государственной думы Н. А. Хомякова, входившего в делегацию, англичане сказали ему: «У вас есть всё то, чего нет у нас, у нас есть то, что вам нужно...» (там же, № 11172, 23 июня).

28

С 1907 г. по 1911 г. вопрос о мерах борьбы с пьянством обсуждался на заседаниях Государственной думы и Государственного совета. Горький иронизирует по поводу постановлений, принятых Думой: увеличить емкость посуды, в которой продаются спиртные напитки (не менее 1/20 ведра), ограничить дни и часы торговли, снизить крепость водки и т. д. (см. «Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва», ч. I. СПб., 1912, стр. 352–353; ч. II, стр. 538 и 546; «Биржевые ведомости», 1907, № 10238, 6 декабря и № 10244, 9 декабря).

29

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» эта статья называлась «О противных нравственности и благопристойности сочинениях, изображениях, представлениях и речах» («Свод законов Российской империи», т. XV. СПб., 1912, стр. VII).

30

Наиболее откровенными проповедниками подобных настроений в литературе периода реакции были Ф. Сологуб, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Арцыбашев.

31

Имеется в виду политик П. А. Столыпин (1862–1911) и его лозунг: «Сначала успокоение, потом – реформы». Вступив на пост премьер-министра, он сказал в беседе с корреспондентами столичных газет 10 (23) июля 1906 г., что «во время революционного террора трудно действовать обыкновенными судами». И тут же пообещал: «...все либеральные реформы будут проведены, когда для этого будет подготовлена почва» («Биржевые ведомости», 1906, № 9892, 14 июля).

32

Горький высмеивает отделы объявлений в газетах и журналах, которые, привлекая подписчиков, обещали им в качестве бесплатной премии сочинения тех или иных авторов.

33

Фуэгиец – сатирический неологизм, произведенный, по-видимому, от испанского слова fuego – огонь, стрельба.

34

Не так ли? (Франц.).

35

Христианская заповедь: «А я говорю вам: не противься злему» (Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 39) – была положена в основу учения толстовцев.

36

Это высказывание характерно для философии стоицизма. См.: «О счастливой жизни» Л. А. Сенеки (в русском переводе было опубликовано в приложении к журналу «Гермес». СПб., 1913, т. 12, январь – май, стр. 1 – 30) и его «Избранные письма к Люцилию». СПб., 1893.

37

Эта мысль выражена во многих статьях сборника «Вехи». С. Н. Булгаков писал: «Для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина...» Ему вторил М: О. Гершензон: «Личностей не было – была однородная масса...» («Вехи». СПб... 1909. стр. 59, 84).

38

Теоретики веховства, уверяя, что «тирания общественности искалечила личность», призывали отказаться от социалистической идеологии и заняться самоусовершенствованием.

39

В начале XX в. в России возрос удельный вес иностранного финансового капитала. В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», говоря о господстве иностранного капитала в петербургских банках, указал на следующие пропорции: французские банки – 55 %, английские – 10 %, немецкие – 35 % (см.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 27, стр. 350)

40

Сын капитана Гранта, Роберт, во время путешествия по Кордильерам был унесен орлом-кондором (см.: Жюль Верн. Дети капитана Гранта, ч. 1, гл. XIV).

41

По библейским легендам, пророк Илья живым вознесся на небо на огненной колеснице (Третья книга царств, гл. 17; Четвертая книга царств, гл. 2); праведник Енох, проживший 365 лет, также был взят живым на небо (Бытие, гл. 5, стихи 18–24).

42

Имеется в виду Государственная дума, заседания которой происходили в Таврическом дворце в Петербурге.

43

Дума могла лишать голоса тех депутатов, которые выступали с речами, неугодными самодержавию, или нарушали «порядок заседаний». Так, например, кадет Ф. И. Родичев был исключен на 15 заседаний за то, что назвал виселицы «столыпинскими галстуками». Постоянным репрессиям подвергалась социал-демократическая фракция Думы.

44

См. книгу В. С. Березайского «Анекдоты, или Веселые похождения старинных пошехонцев. Издание новое, поправленное, с прибавлением повестей о Щуке и о походе на Медведя и с присовокуплением Забавного словаря». СПб., 1821. Пошехонье – уездный город Ярославской губернии, а также местность, прилегающая к реке Шексне.

45

Имеется в виду агрессия польско-литовских и шведских феодалов против русского государства (1604–1612 годы).

46

Руководитель крестьянского восстания 1606–1607 годов Иван Болотников распространял воззвания, в которых призывал крестьян и холопов уничтожать бояр и помещиков, а землю обещал отдать крестьянам.

47

До похода на Россию Наполеон I Бонапарт отменил феодальные привилегии в Пруссии и других европейских странах. После Отечественной войны 1812 года усилилось крестьянское движение в России за отмену крепостного права. Выступали не только крестьяне, но и передовая часть дворянства. Царизм вынужден был пойти на уступки: в 1816–1819 годах крепостное право было упразднено в Прибалтике.

48

Намек на февральскую буржуазную революцию в России 1917 г. Решающую роль в свержении самодержавия сыграли солдаты Волынского и Литовского полков, перешедшие на сторону восставших рабочих Выборгского района Петрограда. К ним присоединились войска других частей.

49

Имеется в виду царское самодержавие, в частности император Николай II (1868–1918).

50

Измененные слова песни «Русь» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

51

Ср. стихотворение Ф. И. Тютчева (1866):»

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...»

52

Намек на февральскую буржуазную революцию.

53

Изображение «святого великомученика» Георгия Победоносца на коне, поражающего копьём дракона, было выбито на монете в царствование Федора Иоанновича. Эту монету давали воинам за храбрость для ношения на шапке или рукаве.

54

Намек на двоевластие, установившееся в России после свержения самодержавия в феврале 1917 г. «В чем состоит двоевластие? – писал В. И. Ленин 9 (22) апреля 1917 г. – В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 31, стр. 145).

55

Сатирический намек на сепаратистские тенденции, порожденные великодержавной

Русские сказки. Максим Горький gorkiymaxim.ru
политикой Временного правительства (см.: «История гражданской войны в СССР», т. I. М., 1939, стр. 114–116).

56

Стремясь подтолкнуть Временное правительство к организации контрреволюционного переворота в России, идеологи реакции призывали его к твердости и жестокости. В речи на заседании «думцев» Маклаков заявил, что «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала», что теперь это «страна празднеств, митингов и разговоров, – страна, отрицающая власть и не желающая ей повиноваться» («Правда», 1917, № 50, 6 мая). В ответ военный министр А. Ф. Керенский провозгласил «железную дисциплину» 6 армии.

57

«Промышленники всю Россию ограбили за два месяца после революции. Капитал наживал сотый процентов прибыли, каждый отчет говорит об этом», – подчеркивал В. И. Ленин в лекции «Война и революция» 14 (27) мая 1917 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 96).

58

В письме к Н. В. Яковлеву от 25 октября 1934 г. Горький ошибочно указал более раннюю дату (см. Г-30, т. 30, стр. 364).

59

Возможно, что об этом же издании писала Рубинштейну М. Ф. Андреева 30 апреля (13 мая) 1912 г.: «Алексей Максимович просит Вас прислать ему <...> 5 экз. „Сказок"» (Архив А. М. Горького, ПТЛ-4-1-17).

60

О переговорах Ладыжникова с Сытиным см. также письмо Горького Ладыжникову от сентября (после 11-го) 1912 г. и письма Ладыжникова Горькому от 4 (17) сентября, 27 октября (9 ноября) и 3 (16) декабря 1912 г. (Архив А. М. Горького, КГ-п-42-1-5, КГ-п-42-1-7, КГ-п-42-1-10).

61

Имеется в виду статья Горького «О современности», напечатанная в журнале «Новый колос», 1916, № 11.

62

В декабре 1911 – январе 1912 г. Горький писал М. П. Миклашевскому (Неведомскому): «...для того чтобы родился человек, – необходимо оплодотворить людей семенем живым свободы, необходимо соитие инертной материи с творческой волею. Как воспитаете оную, превыспренно мечта и, подобно сереньким паучкам, вытягивая из себя тоненькие и липкие нити паутины, в чаянии уловить некое важное и тайное? Единственная муха, коя всегда и аккуратно попадает в паутину эту, – ты сам же, российский градожитель» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл-25-32-1).

63 Отзыв Горького о Сологубе см. также в его письме М. Ф. Андреевой (см.: Андреева, стр. 296).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!